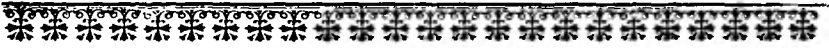

Л. И. [=Евдоким (Мещерский), архим.] О христианском браке:
(По поводу современных толков в печати о браке и безбрачии) //
Богословский вестник 1900. Т. 1. № 2. С. 299—348 (2-я пагин.).

О ХРИСТИАНСКОМЪ БРАКѢ.

(По поводу современныхъ толковъ въ печати о бракѣ и безбрачїи).

I.

Недавно я прочиталъ небольшую замѣтку о новомъ обширномъ романѣ Э. Зола—*Fecundite*. Романъ написанъ на живую и чрезвычайно важную современную тему о бракѣ. Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какими часто крупными недостатками отличается въ настоящіе дни семейная жизнь вездѣ и особенно во Франціи. Французскіе писатели нерѣдко, подобно библейскимъ обличителямъ, вскрываютъ смертельныя раны современнаго общества. Не чернила, а трупный ядъ иногда течетъ съ ихъ пера. Но, ни Додэ, ни Мопассанъ, ни другіе выдающіеся французскіе бытописатели, кажется, не раскрывали столь черной язвы, столь глубокаго недуга, какъ это сдѣлалъ Зола въ романѣ *Fecundite*. По свидѣтельству Зола, огромное большинство мужчинъ и женщинъ въ настоящее время занимаются систематическимъ человекоубійствомъ, самымъ позорнымъ истребленіемъ своихъ дѣтей. Авторъ указываетъ безконечный рядъ семей дѣтонстребителей, отказывающихся отъ дѣторожденія и губящихъ самыми гнусными средствами свое здоровье—физическое и духовное. Богачи истребляютъ въ себѣ возможность имѣть дѣтей, чтобы оставить все свое громадное имѣніе одному сыну или одной дочери. У богача Божена одинъ сынъ, котораго онъ готовитъ въ наследники своей фабрики. Сегинъ, имѣя двухъ дѣтей, проповѣдуетъ пессимистическія ученія о необходимости вымиранія человѣческаго рода для прекращенія страданій. Моранжъ не хочетъ новыхъ членовъ

семьи, такъ какъ мечтаетъ скопить для единственной своей дочери громадное приданое, чтобы выдать ее за человѣка, принадлежащаго къ болѣе высокому кругу общества. Счастливые молодые супруги откладываютъ возможность имѣть дѣтей до пожилого возраста. Люди менѣе обеспеченные стремятся къ тому же, чтобы заработать обильный кусокъ хлѣба,—бѣдные, чтобы успѣшнѣе бороться съ бѣдностью. Честному, но бѣдному супругу Матье, чтобы не имѣть болѣе дѣтей и не впасть еще въ большую бѣдность, совѣтуютъ, не порывая семейныхъ узъ, вступить въ незаконную связь.

Замѣчается какое-то сумасшедшее отвращеніе къ дѣтямъ. Взрослое поколѣніе объявляетъ войну своимъ наслѣдникамъ. Оно подстерегаетъ ихъ появленіе на свѣтъ, убивая какъ какихъ-то гадкихъ насѣкомыхъ, и одинокое предается распущенной жизни, которая вслѣдствіе безплодія получаетъ видъ добродѣтели. Въ Парижѣ насчитываютъ, по словамъ Зола, до сорока тысячъ женщинъ, которыя сдѣлали себя неспособными къ дѣтороженію, а во всей Франціи число ихъ достигаетъ пяти сотъ тысячъ. Полмилліона уродовъ! Официально установлено, что ежегодно двадцать тысячъ новорожденныхъ младенцевъ вывозятся изъ одного Парижа особыми „промышленниками“ и исчезаютъ безслѣдно. Въ одно столѣтіе ихъ умерло 17 милліоновъ. По клоакамъ Парижа постоянно текутъ дѣтскіе трупики... Такъ бросается въ зловонную грязь то драгоцѣнное, чего нѣтъ дороже подъ солнцемъ—живая жизнь. Къ такимъ крайне печальнымъ и невозможно прискорбнымъ результатамъ приводитъ многихъ современныхъ людей превратное пониманіе задачъ семейной жизни ¹⁾.

Если положеніе вещей въ недалекомъ будущемъ не измѣнится къ лучшему, то много великихъ страданій выпадеть на долю всего человѣчества. И это вполне справедливо. Не пужно быть прорицателемъ, чтобы предсказать это. Въ самомъ дѣлѣ, если идея безплодія и страха имѣть потомство, если уклоненіе отъ дѣйствительной семейной жизни, какъ опредѣляетъ ее христіанство, распространится между людьми до тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, какіе рисуетъ предъ нами

¹⁾ Ср. М. О. Мельшиковъ. Нашествіе дикарей. Стр. 170—171. (Нед. № 12, 99 г.). Красновъ. Увеличеніе семьи. Стр. 204. (Нед. № 11, 99 г.).

въ ужасныхъ картинахъ въ своемъ романѣ Зола, то что иное ожидаетъ въ будущемъ человѣчество, какъ не эта страшная и грозная участь? Природа не мѣняетъ своихъ законовъ; она жестоко караетъ всякаго, кто рѣшается уклоняться отъ ея вѣчныхъ предначертаній. Въ борьбѣ съ нею въ данномъ случаѣ все безсильно: и просвѣщеніе, и знатность, и богатство, и могущество, безсильны и цѣлые могущественные народы. Поэтому авторъ разсматриваемой нами замѣтки совершенно справедливо считаетъ лучшими и замѣчательными страницами въ романѣ Зола тѣ, на которыхъ онъ блестяще, талантливо, увлекательно, съ цѣлю благотворно повліяетъ на современныхъ людей, доказываетъ всю гибельность принципа подобнаго безбрачія и весь ужасъ, рождающийся неизбѣжно изъ жизни холостяковъ, а еще болѣе изъ позорной и грязной жизни полусупруговъ. „Великіе практики еврей, — говоритъ онъ, — и до сихъ поръ понимаютъ это превосходно и потому изъ всѣхъ народовъ они самый сильный по витализму, самый устойчивый, какъ раса, и которому болѣе, чѣмъ кому-либо иному, обезпеченъ успѣхъ въ борьбѣ за свою личность. Эти евреи не боятся заставлятъ вступать въ бракъ даже нищихъ, состоящихъ на изживеніи общины, требуя отъ семей непременно потомства и чѣмъ большаго, тѣмъ лучше, видятъ въ дѣтяхъ благословіе Божіе. Параллельно этой положительной сторонѣ задачи, отрицательно они всѣми силами не допускаютъ среди своихъ вѣрныхъ проституціи и разврата, охотно предоставляя то и другое всѣмъ прочимъ національностямъ и народамъ земли. И великая сокрыта въ этомъ мудрость, и великая кроется въ этомъ правда!“ ¹⁾ Все это прекрасно и дѣлаетъ честь автору, такъ горячо защищающему постепенно упадающую и разлагающуюся семью. Дѣйствительно, семья имѣетъ безпримѣрно громадное значеніе въ жизни всего человѣчества. „Если супружескія отношенія въ порядкѣ, то и дѣти воспитываются хорошо, и слуги благочинны, и сосѣди, и друзья, и сродники радуются, всѣмъ пріятно ихъ счастье, какъ нѣкое благодѣяніе. Если же гдѣ бываетъ напротивъ, то тамъ во всемъ безпорядокъ и замѣшательство“, — говоритъ Злато-

¹⁾ А-тъ. Жестокая дилемма. Нов. Время № 8550, 99 г.

устъ ¹⁾. Еп. Мартенсенъ пишетъ: „семейство и церковь въ своей глубочайшей основѣ суть поддерживающіе и сохраняющіе круги жизни въ предѣлахъ нравственнаго міра. Черезъ нихъ только посредствомъ въ глубинѣ души основываются и создаются авторитетъ и свобода, авторитетъ и послушаніе, авторитетъ и благочестіе, самоотверженная любовь и вѣрность, эти главные основы нравственнаго міра. Борьба за отечество издавна называлась борьбой за алтарь и очагъ. Каждое обновленіе народнои жизни, каждая, коренная реформа должна главнымъ образомъ исходить изъ этихъ двухъ круговъ“. Въ семьѣ заключается и возможность воссозданія всякаго разлагающагося общества, и цѣлаго народа ²⁾. Внесите только „мечъ и раздѣленіе въ семью“, и вы превратите землю въ хаосъ, зальете ее кровью и грязью,—совершенно справедливо говоритъ В. Розановъ.

Но въ дальнѣйшихъ строкахъ разсматриваемой замѣтки мы встрѣчаемъ нѣчто чрезвычайно странное и неожиданное. Нашъ авторъ пишетъ: „имѣетъ ли право человѣчестно жить земною жизнью для славы Божіей и для собственнаго совершенствованія какъ въ духѣ, такъ и во плоти? Если получится отвѣтъ утвердительный, то дѣятельность всѣхъ стоящихъ за семью, за плодородіе, за спокойствіе въ работѣ человѣческой будетъ благословенна. Если же нѣтъ, какъ то думаютъ аскеты и фарисеи, сами пожившіе достаточно и другимъ жить мѣшающіе, ну тогда и эти попытки сохранить жизнь человѣчества будутъ сочтены преступной ересью, по по счастью не на долго, потому что именно здѣсь борьба и торжество побѣдителей кончится тѣмъ скорѣе, чѣмъ самая побѣда будетъ законченной и совершенной. Уничтожьте плодородіе женщины, уничтожится актъ дѣтороженія. Не львамъ же и тиграмъ, которые явятся пожрать послѣднихъ праведниковъ аскетической догмы, праздновать ихъ нравственную побѣду? Я, принадлежа по духу и по совѣсти къ прозелитамъ г. Розанова, являясь глубоко убѣжденнымъ, что Богъ не хотѣлъ создавать что бы то ни было безнравственное, а тѣмъ болѣе повелѣвая человѣку множиться и плодиться, не могу не напомнить о томъ тѣмъ страннымъ людемъ,

¹⁾ *Іоаннъ Златоустъ*. Бес. на посл. къ Ефес. гл. 5, ст. 22—23.

²⁾ *Г. Мартенсенъ*. Христ. ученіе о нравственности. Т. 2. стр. 440—441.

которые, обязанные сами жизнью честной матери, являются острыми врагами жизни и сокращаютъ человѣческое плодородіе въ интересахъ хищныхъ животныхъ на землѣ. Я думаю, что часъ суда надъ ними Великой любви и Безмѣрнаго милосердія, просіявшаго намъ съ креста Голгофы, Всемогущій можетъ избрать ежеминутно, не ожидая пожранія хищниками послѣдняго человѣка. Это тайна намъ не открытая, но обѣщанная. А потому, пока въ насъ дрожатъ жизненные силы, пока мы цѣпляемся за жизнь и дорожимъ ею, мы не имѣемъ права сознательно уступать хоть пядь жизни торжеству смерти, которое и кроется во всякихъ скопческихъ и иныхъ аскетическихъ ученіяхъ. Земля скрываетъ и поглощаетъ жертву смерти, бездушный трупъ, но черезъ женщину жизни возвращается умершій въ видѣ сильнаго и здороваго младенца и пока послѣднее торжество жизни больше количественно и качественно жертвѣ смерти, до тѣхъ поръ, конечно, если увеличивается численно христіанское населеніе земли, и великая догма любви, мира и всепрощенія несомнѣнно является также торжествующею. Но надо, чтобы живущіе были здоровы, были мужественны и смѣло смотрѣли въ лицо неизбѣжной смерти, зная, что жизнь попираетъ смерть смертию же. Изъ мертваго родится лучшее живое и потому тотъ, кто не плодородецъ, тотъ, кто не оставляетъ послѣ себя потомства здороваго, грабитъ жизнь, какъ не честный гражданинъ своего государства, не честный членъ своего отечества. И потому тотъ, кто стоитъ за честную и здоровую семью, тотъ стоитъ и за дѣло жизни, за дѣло, выше котораго нѣтъ, не было и не будетъ на грѣшной землѣ¹⁾.

Не безъ интереса я прочиталъ эти пламенные строки, дышущія неподдѣльнымъ чувствомъ негодованія на „праведниковъ аскетической догмы“, этихъ „острыхъ враговъ жизни“, которые „сокращаютъ человѣческое плодородіе въ интересахъ хищныхъ животныхъ“, изъ которыхъ каждый „грабитъ жизнь, какъ не честный сотрудникъ, какъ не честный гражданинъ своего государства“, надъ которыми „ежеминутно“ можетъ совершить Господь свой строгій судъ, „не ожидая пожранія хищниками послѣдняго человѣка“... Пробѣжавъ эту замѣтку, я невольно вспомнилъ цѣлый рядъ подобныхъ же

¹⁾ А-тъ. Цит. соч.

статей, разъясняющихъ въ различныхъ изданіяхъ. Оказывается, у насъ теперь уже существуетъ почти цѣлая литература по вопросу о бракѣ и безбрачїи и не одна ягучая статья посвящена „острымъ врагамъ жизни“, которые какъ будто бы поставили задачей своей жизни и дѣятельности погасить свѣточъ семейной жизни. Я рѣшилъ собрать все эти статьи, въ немногихъ словахъ изложить сущность ихъ и дать по-сильный отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, столь живо интересующіе многихъ. Читая мои строки, пусть каждый самъ судитъ, кто правъ и кто неправъ въ этой интересной полемикѣ.

Спѣшу оговориться. Во—первыхъ, я не собираюсь писать цѣлаго обширнаго трактата по вопросу о бракѣ. Вопросъ о бракѣ, поднятый въ современной литературѣ, весьма сложный. Всякій, кто берется за рѣшеніе его, невольно наталкивается на цѣлый длинный рядъ вопросовъ и важныхъ, и серьезныхъ, и трудно рѣшимыхъ. При разсужденіи о бракѣ возникаетъ вопросъ о сущности брака, важности и значеніи его, объ освященіи брака церковію, о причинахъ развода, объ отношеніи родителей къ дѣтямъ, о социальномъ и экономическомъ положеніи семьи, о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, о налогѣ на холостяковъ, объ обязательности для всѣхъ брачной жизни, о домахъ терпимости и т. д. Почти все эти вопросы затронуты въ статьяхъ, подлежащихъ нашему вниманію и разбору, и почти на каждый изъ нихъ данъ соотвѣтствующій отвѣтъ. Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ остановить вниманіе читателей на рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ. Для этого намъ потребовалось бы написать, кажется, цѣлый большой томъ. Поэтому мы остановимъ вниманіе читателей на рѣшеніи только нѣкоторыхъ вопросовъ, изъ которыхъ объ однихъ сдѣлаемъ лишь сравнительно бѣглыя замѣчанія, а другія разберемъ болѣе подробно и основательно. Во—вторыхъ, я пишу не ради полемическаго задора, не какъ обиженный и униженный человекъ, а лишь для выясненія дѣла. Заявляю откровенно, я весьма цѣню свободу мысли и убѣжденій, въ какой бы формѣ онѣ не высказывались, и съ любовью отношусь ко всемъ литературнымъ противникамъ. По моему мнѣнію, ко всемъ подобнымъ произведеніямъ, касающимся рѣшенія вопросовъ церковно-бытоваго уклада нашей жизни, нужно относиться

съ особеннымъ вниманіемъ и не угашать „льна курящагося“. Истина не боится свѣта. „Если сіе предиріятіе и сіе дѣло отъ человекѡвъ, то оно разрушится“. (Дѣян. 5, 38). Нельзя скрыть того, что церковные вопросы мало интересуютъ наше интеллигентное общество. О многомъ самомъ важномъ и главнымъ въ жизни христіанина оно или совершенно ничего не знаетъ или знаетъ только немного и притомъ большею частью по слухамъ. Одинъ архимастырь, самъ вышедшій изъ среды этого общества, въ одномъ своемъ сочиненіи пишетъ: „если у насъ что знаютъ въ православіи, то скорѣе обряды: знаютъ что преждеосвященная литургія служится великимъ постомъ, что митрополиты носятъ бѣлые клобуки, что въ Преображеніе освящаютъ яблоки, что по средамъ и пятницамъ полагается поститься. Но духа-то православія, духа церкви, пошенія въ душѣ своей истинъ откровенія о небесномъ домостроительствѣ, вотъ чего мы лишены“. „Позволяло ли общество раскрывать духъ православія своимъ дѣтямъ? Много ли видятъ священника воспитывающіеся? А если видятъ, то не родители ли держатъ священника въ рамкахъ требосправителя, не пуская его далѣе моленной и столовъ?“ „Общество почтительно выпроводило, выкурло духъ церкви, духъ православія изъ своего быта, загнало его въ алтарь и на цаетръ, гдѣ молятся простолюдины“¹⁾. Вотъ почему я сказалъ, необходимо съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ относиться къ статьямъ свѣтскихъ писателей по церковнымъ вопросамъ. Пусть обсуждаются эти вопросы. Пусть они станутъ внутреннимъ, неотъемлемымъ, священнымъ достояніемъ, плотью и кровью каждаго. Пусть слово Христово „богато“ вселяется въ каждаго изъ насъ, освѣщая чистымъ, яркимъ свѣтомъ нашъ жизненный путь.

II.

Знаете ли вы, наприм., читатель, въ чемъ заключается сущность брачной жизни, что составляетъ ея основу, самый жизненный нервъ, на чемъ она единственно и всецѣло коренится и зиждется, начиная отъ вѣнца и до гробовой доски? Вѣроятно, не знаете, хотя бы вы прожили много

¹⁾ *Архим. Антоній.* Бес. о превосх. православно. поим. Евангелія сравнит. съ учен. П. Толстого Стр. 47—48. СПб. Изд. 2-е, 1891 г.

лѣтъ семейною жизнью, успѣли справить не только свою серебряную свадьбу, но даже и золотую. Вотъ ея единственное основаніе—*страсти*. „Животнымъ Богъ далъ инстинктъ, т. е. нѣкоторый вышше имъ управляющій разумъ, разумъ, наложенный на нихъ какъ фатумъ, какъ рокъ, который ихъ спасаетъ, мудро ведетъ отъ рожденія до смерти и не даетъ имъ ни вырваться изъ-подъ себя, ни уклониться въ сторону. Въ человѣкѣ инстинктъ въ смыслѣ этого вышше наложеннаго разума—ничтоженъ. Ему даны страсти, манифестаціи которыхъ бывають иногда ужасны, но и достигаютъ въ другихъ случаяхъ такой трогательности и нѣжности, какія роднятъ человѣка съ Богомъ. Беатриче, которая ведетъ Данте чрезъ чистилище въ рай—какая идея, какой теизмъ идеи! Какъ уже это близко къ религін!“ „Изъять страсти изъ семьи—это значить не начать семью; мысленно или въ законѣ изъять ихъ изъ семьи — значить не дать даже семьѣ возникнуть. Страсти суть динамическое, зияющее и вмѣстѣ матеріальное условіе семьи, „порохъ“, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Не безъ улыбки и недоумѣнія я читаю иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи въ наше время лежитъ въ сильнѣйшемъ дѣйствіи и притомъ разнородныхъ страстей. „Если бы не страсти, семья бы успокоилась“. Я думаю, „если бы не страсти“—семья скорѣе не началась бы.... Семья есть институтъ совершенно ирраціональный, мистическій. Поэтому совершенно напрасна борьба въ ней противъ страстей; напрасна и даже неправа. Разуму, какъ и всякому закону, страсть можетъ отвѣтить просто: „я здѣсь образую все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создастъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, издѣліе внутренностей моихъ. Мнѣ больше отъ этого, чѣмъ всякому закону, всякому разуму; безъ крова, подъ небомъ теперь—я, и передъ вѣроятною гибелью. Кромѣ того, изслѣдуйте меня и вы убѣдитесь, что не безъ причины я тку такое благородное и нѣжное существо, какъ семья... Самая природа моя и происхожденіе мое благородны, какъ и постоянный мой уклонъ. Я емь, идеаль въ томъ смыслѣ, что непрерывно стремлюсь къ идеальному, и именно въ значеніи непорочнаго. И если я уйду, не объясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я

именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиленіемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью; неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца. Непременно и безусловно грѣхъ палъ уже въ составляемую семью. Это нельзя доказать, именно потому, что семья вся соткана изъ субъективизма, изъ неувидимаго и мистическаго. Но что имѣть безгрѣшной, праведной семьи, которая распадалась бы,— этому можно даже повѣрить. И это все, что нужно, чтобы разуму понять единственную роль, какую онъ можетъ здѣсь выполнить. Мы сказали, что непорочная семья есть величайшій идеалъ въ смыслѣ соціальнаго строительства; но разумъ построить ее не тогда, когда „запретить страсти“, „вытреть“ ихъ, какъ резина стираетъ карандашъ; тогда ничего не будетъ, не будетъ семьи. Да и не въ правѣ онъ, пассивный регуляторъ, бороться противъ образователя и материн семьи. Но онъ можетъ все устроить, ставъ на скромное мѣсто мудраго аналитика, изслѣдователя, пособника. Онъ не умѣетъ здѣсь рождать; но какъ искусный акушеръ, онъ можетъ помочь родиться... Замѣчательно ограниченная роль разума въ семьѣ. Семью нельзя рационально построить. Наблюдали ли вы, какъ иногда образованнѣйшіе и разсудительнѣйшіе супруги, притомъ несколько незапальчивые, бывають глубоко несчастны и, пробывшесъ двадцать лѣтъ, къ „серебряной свадьбѣ“ расходятся окончательно. Я знаю жену одного образованнѣйшаго профессора, почти столь же ученую, какъ онъ самъ, которая именно къ серебряной свадьбѣ номѣшалась. Она истощилась въ скукѣ; такъ какъ обѣжать ей не могло придти въ голову, да было уже и поздно, то она сошла съ ума. Каменное терѣніе лопаются. И это случается съ философами, писателями, иногда со священниками. А между тѣмъ Афанасій Ивановичъ и Шульхерья Ивановна были такъ счастливы. Они не „умѣли“ быть счастливы, а были счастливы, между тѣмъ какъ профессора умѣють быть счастливы, но не „суть“ счастливы“¹⁾.

Вотъ взглядъ на сущность брака, изложенный мною словами самого автора этого взгляда; вотъ послѣднее слово текущей литературы по вопросу о бракѣ. Итакъ, „семья ин-

¹⁾ В. Розановъ. О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи. (Нов. Вр. 1899 г., № 8481.)

ститутъ ирраціональный; роль разума въ семьѣ замѣчательно ограничена. Заждающее здѣсь страсти. Это порохъ, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Если бы не страсти, семья никогда не началась бы. Поэтому борьба противъ страстей совершенно напрасна и неправа. Я читаю съ улыбкой разсужденія, что причина необыкновенной распущенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствіи и притомъ разнуданныхъ страстей“... И дѣйствительно, разуму нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ такое важное значеніе имѣютъ страсти, потому что страсти и разумъ взаимно исключаютъ другъ друга. Разумная страсть—это нѣчто въ родѣ холоднаго огня, горячаго льда, свѣтлой тьмы и т. ц. Если страсть подчиняется мудрому водительству разума, то она уже не страсть, а разумное чувство... Положивши страсти въ основу брака, авторъ стремится согласовать свободу страсти не только съ бракомъ, но и отстоять еще христіанское ученіе о бракѣ и даже возвысить и очистить его. Справедливъ ли этотъ взглядъ на сущность брака,—взглядъ, уже усвоенный нѣкоторыми, а можетъ быть даже и многими?

III.

По многимъ причинамъ я не буду много говорить самъ объ этомъ послѣднемъ словѣ нашей свѣтской литературы по вопросу о бракѣ, а предоставляю слово другимъ. Но это слово далеко будетъ не въ пользу новыхъ взглядовъ на бракъ. И слово Откровенія, и творенія великихъ пастырей Христовой церкви, этихъ вѣрныхъ хранителей и истолкователей богооткровенной истины, и писанія христіанскихъ писателей, и здравый разумъ, и ежедневная жизнь убѣдительно и краснорѣчиво говорятъ, что не тамъ нужно искать въ семьѣ счастья, гдѣ такъ часто его ищутъ. Не въ страсти заключается основа, сущность, душа, самый жизненный нервъ брака. Не страстію силенъ бракъ, не въ страстяхъ его глубокий смыслъ и значеніе, не въ господствѣ страстей вся его прелесть. Страсти не созидаютъ, а разрушаютъ бракъ. И эти слова не съ улыбкой надо читать, а съ вѣрой, радостью и восторгомъ, потому что они заключаютъ въ себѣ великую истину и залогъ семейнаго счастья. Не только христіанство, но и простой здравый разумъ не санкціонируютъ страстей; христіанство и здравый разумъ осуждаютъ ихъ. Для христіанства нѣтъ страстей—

ни добрыхъ, ни благородныхъ, ни благодѣтельныхъ, ни вѣдательныхъ. Всякая страсть для него есть только зло и грѣхъ, потому что всякая страсть ослѣпляетъ разумъ человѣка, порабощаетъ его волю, погружаетъ духъ въ матерію, угашаетъ въ немъ свѣтлѣніе духовнаго свѣтила и дѣлаетъ свободнаго сына Божія своимъ рабомъ (Іоан. 8, 34). Христіанство есть религія высочайшей свободы, т. е. свободы человѣка отъ всѣхъ страстей. А эта страсть создаетъ надъ личностью человѣка почти непреоборимую власть начала стихійнаго, которое къ тому же соединено еще съ однимъ изъ наслажденій для человѣка. Христіанство учитъ о высококомъ достоинствѣ человѣка, когда говоритъ, что онъ въ своемъ разумѣ и своей волѣ носитъ образъ Творца. Оно призываетъ его къ разумному, свободному, святому служенію Богу, въ состояніе Богочеловѣчества.

Какъ глубоко вѣрно и жизненно правдиво опредѣляетъ бракъ св. церковь. Въ Катехизисѣ мы читаемъ: „бракъ есть таинство, въ которомъ, при свободномъ предъ священникомъ и церковью обѣщаніи женихомъ и невѣстою взаимной ихъ супружеской вѣрности, благословляется ихъ супружескій союзъ, во образъ духовнаго союза Христа съ церковію и испрашивается имъ благодать чистаго единодушія къ благословенному рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей“¹⁾. Въ таинствѣ брака, по ученію нашихъ лучшихъ догматистовъ, брачующимся подается „Божественная благодать, освящающая ихъ брачный союзъ, возвышающая его въ образъ духовнаго соединенія Христа съ церковію, и потому содѣйствующая имъ къ благословенному достиженію всѣхъ цѣлей брака“²⁾. Не иную мысль заключаютъ въ себѣ и наши церковные каноны, когда въ нихъ идетъ рѣчь о сущности брака. Въ Кормчей³⁾ мы читаемъ: „бракъ есть мужа и жены союзъ, и общій жребій на всю жизнь, общеніе божественнаго и человѣческаго права“⁴⁾. „Бракъ состоитъ не

1) *М. Филаретъ*. Простран. катехизисъ. Стр. 74.

2) *М. Макарій*. Догм. Богословіе. Т. 5, стр. 11. Ср. *Е. Сильвестръ*. Догм. Богословіе. Т. 4, стр. 493 слл.

3) Для ясности мы приводимъ эти статьи нашей Кормчей въ русскомъ переводѣ.

4) *Кормчая*. Гл. 48, зак. градск. гр. 4, ст. 1. Ср. *М. Властарь*. Синагма. Стр. 103. Русск. пер. свящ. *П. Ильинскаго*. Симфероп. 1892 г. Est. раце.

въ томъ, чтобы мужъ и жена раздѣляли ложе между собою, но въ супружескомъ ихъ согласіи“¹⁾). Такимъ образомъ бракъ заключается не въ раздѣленіи супругами ложа, а главнымъ образомъ въ полномъ и неразрывномъ общеніи всѣхъ жизненныхъ отношеній между супругами (*ὁικλήρωσις πάσης τῆς ζωῆς*), въ полномъ супружескомъ согласіи и, въ частности, въ общеніи религіи и права (*Θείου τε καὶ ἀνθρωπίνου δικαίου κοινωνία*). Характерно и замѣчательно въ данномъ случаѣ и слѣдующее. Если надъ имѣющими вступить въ бракъ совершенно таинство брака, согласно со всѣми существующими на этотъ предметъ церковными мудрыми узаконеніями, то по нашимъ канонамъ бракъ считается дѣйствительнымъ и фактически совершившимся, хотя бы брачная жизнь послѣ этого никогда не начиналась. И не вступающая въ эти отношенія, сочетавшіяся считаются мужемъ и женою. Исторія указываетъ намъ не мало подобныхъ примѣровъ. Но никогда брака не бываетъ тамъ, гдѣ эти церковно-каноническія узаконенія не примѣняются. Одна страсть, какими бы колоссальными размѣрами она не отличалась, никогда не составляетъ, не „образуетъ“ брака. Страсть вовлечетъ только человѣка въ паденіе, въ грѣхъ, грѣховное состояніе. Тамъ, гдѣ господствуютъ только однѣ страсти, нѣтъ брака, а есть одно лишь преступленіе или паденіе.

Этотъ высокій взглядъ церкви на христіанскій бракъ основывается, конечно, не на человѣческомъ какомъ-либо авторитетѣ, какимъ бы обаяніемъ и какою бы извѣстностью онъ не отличался, а на ученіи богооткровенномъ, безмѣрно превышающемъ всякіе человѣческіе авторитеты. На самыхъ первыхъ страницахъ Библии мы уже читаемъ, что Богъ создалъ жену для того, чтобы дать въ ней первозданному человѣку „соотвѣтственнаго ему помощника“. (Быт. 2, 18). Мужъ и жена такимъ образомъ представляются какъ двѣ такія части, которыя равно, одинаково назначены къ осуществленію одного цѣлаго. „Не хорошо быть человѣку одному“,—сказалъ Богъ.

mutat. Dig. XXIII, 2, 1, in Basil. lib. XXVIII, tit. IV, cap. 1; edit. Heimbach. tom. III. Lips. 1843, p. 166; Prochir. edit. Zachar. tit. IV, c. 1, p. 26; Pr. Nom. Armenop. lib. IV, tit. IV, § 1, p. 484.

¹⁾ *Коринцкая*. Гл. 48, зак. градск. гр. 4, ст. 17. Ср. *М. Властарь*. Стр. 104. Est ad verb. Dig. 50, 17, 30, in Basil. lib. 11, tit. 3, cap. 30, tom. 1, p. 67; Pr. Zachar. Ibid. c. 17, p. 29; Pr. Nom. Armenop. ibid. § 19, p. 490.

Первозданному человѣку нуженъ былъ „соотвѣтственный“ ему помощникъ, такая же человѣческая личность, какою онъ былъ самъ,—существо, которое обладало бы силами и способностями, соотвѣтствующими тѣмъ, какія принадлежали ему. Такимъ образомъ существо брака, по самому происхожденію его, представляется въ цѣльномъ и полномъ соединеніи двухъ личностей различнаго пола. Мужъ и жена оба вмѣстѣ должны составлять одно, какъ бы одну новую личность. Такимъ именно и является, по изображенію Бытописателя, первый супружескій союзъ Адама и Евы. Бытописатель признаетъ этотъ союзъ настолько тѣснымъ, что при немъ даже священный союзъ родителей съ дѣтьми отступаетъ на второй планъ. (Быт. 2, 23—24). Замѣчательны въ данномъ случаѣ и тѣ строки Бытописателя, въ которыхъ мы читаемъ, что мужъ и жена должны составлять „одну плоть“ (Быт. 2, 24). Въ самомъ дѣлѣ, какъ много сказано въ столь немногихъ и простыхъ словахъ. Мужъ и жена должны составлять одинъ организмъ, одно существо, одного человѣка. Бракъ—не коммерческій союзъ, заключенный по какимъ-либо извѣстнымъ соображеніямъ, это—не контрактъ съ немногими строго опредѣленными условіями, это—не юридическій какой-либо договоръ, опредѣляющій тѣ или другія обязанности и права человѣка. Въ томъ и другомъ случаѣ договаривающіяся стороны вѣдше соприкасаются другъ съ другомъ и притомъ въ очень немногихъ и незначительныхъ отношеніяхъ. Они обязаны исполнять только опредѣленное число параграфовъ изъ своей договорной грамоты: во всей же остальной жизни, какова бы она ни была, они свободны и несколько не отвѣчаютъ другъ за друга. Они могутъ быть совершенно чуждыми другъ другу, могутъ никогда въ жизни даже не встрѣчаться другъ съ другомъ. Бракъ христіанскій представляетъ собою также союзъ, но союзъ, въ которомъ должно быть сліяніе и соприкосновеніе брачующихся не въ какомъ-либо одномъ, опредѣленномъ отношеніи, а во всѣхъ. Брачный союзъ обнимаетъ собою всего человѣка, а не одну лишь какую-либо сторону его существа. Дѣйствительнымъ бракъ можно считать лишь тогда, когда всѣ элементы мужской и женской индивидуальности свободно, взаимно, всесторонне, органически сливаются во едино, восполняя другъ друга и образуя такой тѣсный гар-

моническій союзъ, что какъ будто бы это были уже не два различныхъ существа, а одно, „одна плоть“ (*μία σάρξ*), какъ будто бы уже было не двѣ души, а единая нераздѣльная душа, новая личность. Замѣчательно въ данномъ случаѣ и словоупотребленіе Бытописателя; онъ употребляетъ слово *σάρξ*, а греческое слово *σαρξ* означаетъ не тѣло только человѣка или плоть, а и его душу, всего человѣка, всю его духовную и физическую природу. Такимъ образомъ бракъ есть союзъ не однихъ лишь тѣлъ, но и душъ человѣческихъ,— союзъ самый живої, тѣсный полный и неизмѣнный.

Но и при этомъ столь полномъ, тѣсномъ слияніи, счастье брака составляютъ всетаки не страсти. Какія чудныя, возвышенныя строки мы встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ въ Св. Писаніи. Здѣсь мы читаемъ: „славу мужу пріобрѣтаетъ благонравная жена“ (Притч. 11, 16), „жена добродѣтельная—вѣнецъ мужа“ (—12, 4), „добрая жена—счастье мужа“ (—18, 23. Ср. Сир. 25, 26). „Добродѣтельная жена—цѣннѣе жемчужовъ“ (Притч. 31, 10), „умная и добрая жена—драгоценнѣе золота“ (Сир. 7, 2). „Счастливъ мужъ доброї жены, и число дней его—сугубое. Жена добродѣтельная радуется мужу и тѣла его наполнить миромъ. Добрая жена—счастливая доля: она дается въ удѣлъ боящимся Господа. Съ нею у богатаго и бѣднаго—сердце довольное и лице во всякое время веселое“. (Сир. 26, 1—4). „Любезность усладитъ ея мужа, и благоразуміе ея утучнитъ кости его. Кроткая жена—даръ Господа, и цѣнь цѣны благовоспитанной души. Благодать на благодать—жена стыдливая“. (—26—16—18). Она должна быть „цѣломудренной супругой“. (Притч. 15, 2). Вотъ чудная картина семейной счастливой жизни, начертанная искусною рукою писателя-художника. „Кто найдетъ добродѣтельную жену? цѣна ея выше жемчужовъ, увѣрено въ ней сердце ея мужа, и онъ не останется безъ прибытка, она воздастъ ему добромъ, а не зломъ, во все дни жизни своей. Крѣпость и красота—одежда ея, и весело она смотритъ на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростью, и кроткое наставленіе на языкѣ ея. Встають дѣти и ублажаютъ ее, — мужъ, и хвалятъ ее. „Много было женъ добродѣтельныхъ, но ты превзошла всѣхъ ихъ“. Милосивость обманчива и красота суетна: но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы. Дайте ей отъ плода рукъ ея, и да прославятъ ее у воротъ

дѣла ея!“ (—31, 10 слл.). И наоборотъ, великое несчастіе для мужа жена, не отличающаяся подобными многоразличными добрыми качествами. Какими бы чудовищными страстями и физическими чарами она не отличалась, ея значеніе—ничто. „Позорная жена какъ гниль въ костяхъ мужа“. (Притч. 12, 4). „Лучше жить въ землѣ пустынной, нежели съ женой сварливой и сердитой“ (21, 19). „Лучше жить въ углу на кровлѣ, нежели съ сварливой женой въ пространномъ домѣ“. (—25, 24. Ср. Сир. 25, 21). Своему сыну мудрый и благожелательный отецъ дѣлаетъ такое наставленіе и увѣщаніе: „не внимай лъстивой женщинѣ“. (Притч. 5, 2). „Остерегай себя отъ негодной женщины, отъ лъстиваго языка чужой“ (—6, 24). „Отвращай око твое отъ женщины благообразной и не заглядывайся на чужую красоту. Многіе совратились съ пути чрезъ красоту женскую: отъ нея какъ огонь загорается любовь. Отнюдь не сиди съ женою замуженною и не оставяйся съ нею на пиру за виномъ, чтобы не склонилась къ ней душа твоя, и чтобы ты не поползнулъ духомъ въ погибель“. (Сир. 9, 8—11). Ветхій Заветъ, если такъ можно выразиться, не только не покровительствуетъ страстямъ, но и строго преслѣдуетъ обнаруженіе ихъ всюду. Пусть увлеченіе достигнетъ самыхъ послѣднихъ предѣловъ, пусть оно будетъ окрашено въ самыя яркія, чарующія, розовыя краски, пусть оно имѣетъ массу извнѣшней съ современной все прощающей точки зрѣнія,—это безразлично. Худо было тогда жить въѣмъ, которые были особенно внимательны къ страстямъ, „страстямъ и пороку“ которыхъ приходилось „соткать“ гдѣ-либо другую семью, „уйти“ изъ своей семьи на „страну далече“. Нарушившій супружескую вѣрность и чистоту брака (Лев. 20, 10—17 сл. Втор. 22, 22 сл. Ср. Нех. 20, 14, 17), опорочившій обрученную другому, несохранившая своего дѣвства (Лев. 22, 21. 23—26),—все подлежали смерти. Однихъ побивали камнями предъ воротами города въ приустьевіи народа (Втор. 22, 23—23), другихъ предавали сожженію (Лев. 20, 14), третьихъ просто лишали жизни различными способами (Лев. 20, 13 и др.). Наказывали законъ и за другіе различныя случаи фактическаго обнаруженія страсти (Втор. 22, 28—29 Ср. Нех. 22, 16—17 и др.), за которые нынѣ у насъ обыкновенно снисходительно прощаютъ почти всеѣхъ.

Въ Новомъ Заветѣ эта истина подтверждается еще съ боль-

шею силою и раскрывается съ большею ясностію и глубиною. Спаситель говоритъ, что даже одинъ взглядъ, брошенный на женщину „ко еже возжелѣти ей“ (Мѡ. 5, 28), является уже преступленіемъ противъ седьмой заповѣди. Такъ глубоко возвышенно, чисто, свято опредѣляются взаимныя отношенія мужчины и женщины. А св. Ап. Павелъ говоритъ: „мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь и предалъ Себя за нее“ (Ефес. 5, 25). Какая высокая, чистая, глубокая, всеобъемлющая любовь. „Хочешь, чтобы жена повиновалась тебѣ, какъ Христу повинуется церковь? Заботься же и самъ объ ней, какъ Христосъ о церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, или потерпѣть и пострадать что бы то ни было, не отказываясь, но и хотя бы потерпѣть все это, не думай, что ты сдѣлалъ что-нибудь подобное тому, что сдѣлалъ Христосъ. Умѣй заставить ее быть тебѣ покорною твоимъ великимъ объ ней попеченіемъ, любовью, дружбой. Нѣтъ узъ крѣпче этихъ, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхомъ; но спутницу жизни, мать дѣтей и виновницу всѣхъ семейныхъ радостей, нужно привязывать къ себѣ не страхомъ и угрозами, но любовью и расположенностію“ ¹⁾. „Такимъ образомъ Апостоль предложилъ мужу и женѣ, какъ основаніе ихъ счастья, взаимную любовь и заботливосъ, указавъ каждому изъ нихъ то, что прилично“ ²⁾. Вотъ еще слово того же Апостола о томъ же: „такъ каждый изъ васъ да любитъ свою жену, какъ самого себя“ (Ефес. 5, 33). Изъ этихъ словъ непрерываемо ясно видно, что не за одно что-либо и не въ одномъ какомъ-либо отношеніи долженъ любить свою жену мужъ, а во всѣхъ. Онъ долженъ любить ее, какъ любить самого себя и относиться къ ней, какъ относится къ самому себѣ. Въ другомъ мѣстѣ св. Апостоль языковъ предостерегаетъ христіанъ отъ нарушенія святости брачнаго союза, чтобы „бракъ у всѣхъ былъ чистъ и ложе непорочно“ (Евр. 13, 4). По его заповѣди, бракъ долженъ быть „точію о Господѣ“ (1 Кор. 7, 39). Фессалоникійскимъ христіанамъ онъ пишетъ: „чтобы (они) воздержались отъ блуда: чтобы каждый (изъ нихъ)

¹⁾ Голицынь *Златоустъ*. Бес. на посл. къ Ефес. Гл. 5, ст. 25.

умѣть соблюдать свой сосудъ въ святости и чести, а не въ страсти похотѣнія, какъ язычники, незнающіе Бога“ (1 Фес. 4, 3—5). Колосскихъ христіанъ Апостоль увѣщаваетъ: „умертвите земные члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть“ (Кол. 3, 5 Ср. Гал. 5, 19). Ефесскимъ христіанамъ заповѣдуетъ: „всякая нечистота не должна даже именоваться у васъ, какъ прилично святымъ“. „Никакой блудникъ или нечестивый... не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога“ (Ефес. 5, 3. 5. Ср. Гал. 5, 21; 1 Кор. 6, 9; Откр. 22, 15). Духовная, нравственная сторона въ бракѣ, какъ главная, имѣетъ такое большое значеніе, что, по Апостолу, „невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ“ (1 Кор. 7, 14). Величайшій новозавѣтный пророкъ, провозвѣстникъ и истолкователь любви, великій дѣятель, св. Ап. Евангелистъ Іоаннь, желая изобразить красоту и радости праведниковъ въ новомъ небесномъ Іерусалимѣ, сходящемъ на землю, говоритъ: онъ „уготованъ какъ невѣста, украшенная для мужа своего“ (Откр. 21, 2). Несомнѣнно Библия, чтобы возвысить нашъ духъ, поработенный плотію, даже о предметахъ чувственныхъ разсуждаетъ духовно и потому чувства взаимной супружеской любви понимаетъ не столько въ смыслѣ обычныхъ плотскихъ удовольствій, сколько во взаимномъ наслажденіи супруговъ ихъ духовными совершенствами и нравственною красотой.

IV.

Не иначе смотрѣла на бракъ церковь и во всѣ послѣдующія времена. У христіанскихъ писателей мы встрѣчаемъ весьма много самыхъ возвышенныхъ строкъ о чистотѣ, святости и высотѣ брака, но ни слова—о господствѣ страстей. Св. Игнатій Богоносець пишетъ: „подобаеть женищимся и выходящимъ за мужъ, чтобы союзъ ихъ совершался по благословенію епископа,—да будетъ бракъ о Господѣ, а не по вождельнію“ ¹⁾. Тертуллианъ говоритъ: „какъ я могу описать счастье моего брака, который церковь утверждаетъ, жертва скрѣпляетъ, благословеніе запечатлѣваетъ, ангелы

¹⁾ *S. Ignat. Epist. ad Polycarp. n. 6.*

возвѣщаютъ, Отець утверждаетъ“ 1). Климентъ Александрійскій, опровергая еретиковъ, не разъ также писалъ о высокомъ значеніи и святости христіанскаго брака. По его ученію, „бракъ должно сохранять отъ всего оскверняющаго, какъ священный предметъ“ 2). Замѣчательно въ бракъ и св. Кириллѣ Іерусалимскаго. „Да пребудутъ въ благой надеждѣ брачныя,—говоритъ онъ,—кои явивуть какъ должно въ бракъ, кои вступаютъ въ бракъ по закону, а не по любострастію, стѣдую необузданной волѣ; кои знаютъ время воздержанія, дабы свободно заняться молитвой; кои въ церковныхъ собраніяхъ съ чистыми одеждами имѣють и чистыя тѣла; кои вступили въ бракъ для дѣторожденія, а не по любострастію“ 3). Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „не этимъ (т. е. не шумными торжествами, сопровождающими заключеніе брака) совершается законный бракъ, но тѣмъ, если супружеское соединеніе бываетъ по законамъ, цѣломудренно и благопріятно, и если сочетавающіеся связуются другъ съ другомъ взаимнымъ согласіемъ. Это знаютъ и вѣщніе законы. Послушай, что говорятъ свѣдущіе въ немъ люди: „бракъ составляется не инымъ чѣмъ, какъ согласіемъ (*συνίθεια*)“ 4). Союзъ супружества,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ онъ,—заключается чрезъ молитвы и благословенія, „чтобы умножалась любовь женна и сохранялось цѣломудріе невѣсты, а всего болѣе, чтобы въ домъ тотъ вошли дѣла добродѣтели и изгнаны были изъ него все коварства діавола, и чтобы они (супруги), соединяемые благодатію Божіею, проводили жизнь пріятную“ 5). Объясняя слова Апостола „тайна сія велика“, Златоустъ говоритъ: „истинно это тайна, и тайна великая, ибо мужъ, оставивъ отца, который его родилъ, воспиталъ, и мать, которая рождала его въ болѣзни, оставивъ обонхъ, съ которыми жить вмѣстѣ и свыкся, прилѣпляется къ той, которую не видѣлъ, и предпочитаетъ ее всѣмъ“ 6). Этими словами онъ ясно даетъ видѣть, что Писаніе раз-

1) *Tertullian. De Monogamia. Lib. II, cap. 9.*

2) *Clem. Alex. Strom. Lib. IV, c. 23, p. 1096; III, cap. 6, p. 1152; III cap. 12, p. 1185.*

3) *Св. Кириллъ Іерусал. Огласит. поуч. Стр. 74—75.*

4) *S. Chrysostom. In Genes c. 29, homil. 56.*

5) *Ibid. Cap. XLVIII, n. 6.*

6) *Ibid. Epist. ad Ephes. homil. 20.*

смаатриваетъ брачную жизнь, какъ великую тайну, неизмѣримо возвышаетъ ее надъ простой плотской связью и отличаетъ отъ нея. Св. Амвросій Медиоланскій утверждаетъ, что не лишеніе дѣвства полагаетъ начало браку, а брачное соглашеніе (partio conjugalis) ¹⁾. Бл. Августинъ пишетъ: „въ нашемъ (христіанскомъ) бракѣ болѣе имѣетъ силы святость таинства, нежели плодородіе матери“ ²⁾. „Въ церкви предлагается не только союзъ брачный, но и таинство“ ³⁾. „Достоинство браковъ у вѣхъ народовъ состоитъ въ дѣторожденіи и охраненіи чистоты, а у народа Божія—еще и въ святости таинства, по которой даже разлучающейся разводомъ нельзя сочетаться съ другимъ, пока мужъ живъ“ ⁴⁾. Бл. Августинъ такъ далекъ отъ мысли о какихъ-либо другихъ началахъ или основахъ брака, что въ своихъ твореніяхъ высказываетъ даже такую мысль: „вступившій не въ первый бракъ не совершилъ грѣха, а только утратилъ нѣкоторую мѣру таинства“ ⁵⁾. Умаленіе таинства во второмъ бракѣ, конечно, усматривается въ томъ, что онъ уже не представлялъ собою полного образа духовнаго союза Христа съ церковію,—Единого съ единою, а уподоблялся только по своей нерасторжимости, въ чемъ бл. Августинъ и полагалъ „существо (res) таинства брака“ ⁶⁾. У Феодора Студита мы встрѣчаемъ слѣдующую замѣчательную молитву, которая читалась въ его время и теперь читается при возложеніи на брачущихся вѣнцовъ: „Ты, Господи, исполни руку Твою отъ святаго жилища Твоего и соедини рабу Твою и раба Твоего и соприязни я въ единомудріи, вѣнчай я въ плоть одну, яже благоволилъ еси сочетаватися другъ другу, честный ихъ бракъ покажи, нескверное ихъ ложе соблюди, непорочное ихъ сожительство пребывати благоволи“ ⁷⁾. Фотій говоритъ: что „бракъ состоитъ не въ совокупленіи тѣлесномъ, но въ священодѣйствіи молитвъ“ ⁸⁾.

1) *S. Ambros. De Institut. virg. c. 6.*

2) *Augustin. De bono conjugali. c. 18, n. 26. Cf. c. 24, n. 32.*

3) *Ibid. De Genes. ad litt. IX, c. 7. Cf. de pec. orig. XXXIV, n. 39 XXXVII, n. 42.*

4) *Ibid. De bono conjugali. c. 24.*

5) *Ibid. c. 21.*

6) *Ibid. De nupt. et concupisc. Lib. 1, c. 20.*

7) *Theodor. Stud. Epist. 22 ad Simeon.*

8) *Phot. Nomocan. Tit. 13.*

Нельзя не обратить вниманіе и на слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ первохристіанскія времена. Въ первые вѣка христіанства лица, вступавшія въ бракъ, въ день бракосочетанія обыкновенно приобщались св. таинъ, удостоивались молитвъ всей церкви, благословлялись епископомъ къ совмѣстному сожитію и благочестивому рожденію дѣтей. Въ эти дни они украшались вѣнками изъ благоуханныхъ травъ и цвѣтовъ, какъ „любодители страсти“ и какъ будущіе родоначальники „сѣмени святаго“, сѣмени Божія на землѣ. Семь дней новобрачные ходили въ вѣнкахъ, продолжая посѣщать богослуженіе и удостоиваться молитвъ церкви. Только по прошествіи семи дней, доказавъ, что бракъ ихъ есть „бракъ о Господѣ, а не по страсти“, они разрѣшались отъ вѣнцовъ и начинали семейную жизнь. И у насъ на Руси обычай проводить брачный день и слѣдующіе за нимъ въ состояніи, чуждомъ плотскихъ вожделѣній, быть не безызвѣстенъ ¹⁾.

¹⁾ *И. Т. Посошковъ*. Завѣщаніе сыну. „Егда, сыне мой, сватаніе твое придетъ къ брачному совершенію, то... приведи свою обручницу ко святой церкви, къ литургіи; при всемъ народѣ начни вѣнчаться, то никакая болѣзнь не коснетъ ти ся. Всякая бо порча прикасается тѣлу, кой человекъ будетъ вѣнчаться тайнымъ образомъ, или въ неуказанное время.. или съ презрѣннымъ желаніемъ блуда. А кто идетъ по церковному уставу... того человека ангелъ Господень охраняетъ и никакому злу коснуться его не допуститъ“. Послѣ вѣнчанія „соверша обѣдъ не ускори итти въ чертогъ свой, да не оскверниши того дня, поспеже то день святы ти есть, а еже духъ Святыи низшелъ есть на вась, и аще не проженеши, во весь день имать на вась почити. И того ради ты, сынъ мой, весь день той пребуди въ благодареніи и въ хвалѣ Божіей, а не въ похоти плотстей... і пѣсвей скверныхъ не попусти воспѣти... По прямой же правдѣ подобаетъ всякому христіанину до трехъ дней воздержатися. О семъ бо апгелъ Господень ясно Товіи изъявилъ... И по тому Рафаилово слову аще что учинитъ, тотъ и самъ будетъ здравъ и дѣти будутъ родитися здравы“... (Гл. 2, стр. 20—23. Изд. 1893 г.). Ср. *Алмазовъ*. Тайная исповѣдь. Духовникъ спрашиваетъ своего духовнаго сына: „не бѣ ли праздничнаго или постнаго паденія?“ (111, 157, 168. 184). *Р. И. Б.* 6,865: „аще человекъ женился въ мясоѣдъ, а въ великое говѣнье не чисто почнетъ жить, дати ли ему дары?—Не дати на годъ, дондеже исполнится милостынею и постомъ“. Ср. *С. И. Смирновъ*. Древнерусскій духовникъ. Очеркъ. Стр. 92—сл. С. Пос. 1899 г.

V.

Не иначе смотритъ на бракъ церковь и въ настоящее время. Не иначе опредѣляютъ сущность брака и ученые богословы настоящаго времени, эти вѣрные истолкователи ея вѣдѣній. Мы остановимъ вниманіе читателей на самомъ новѣйшемъ богословскомъ трудѣ. Вотъ разсужденія автора этого труда по вопросу о бракѣ.

Въ различное время на бракъ смотрѣли различно. Одни полагали цѣль брака главнымъ образомъ въ рожденіи дѣтей. Правда, сотворивъ мужа и жену, Господь благословилъ ихъ чадородіе (Быт. 1, 28). Но если чадородіе должно называть цѣлю брака, то во всякомъ случаѣ не первую, а вторую. Если бы дѣти были первой и главною цѣлю брака, то во всякой семьѣ безплодіе было бы однимъ изъ постоянныхъ непреложныхъ основаній для развода, такъ какъ въ данномъ случаѣ не достигалась бы цѣль брака.

Другіе полагали цѣль брака въ взаимной помощи супруговъ (*mutuum adiutorium*). И въ Св. Писаніи жена называется „помощницей человѣка“ (Быт. 2, 18). Такой взглядъ на бракъ очень распространенъ въ настоящее время въ простомъ народѣ. Здѣсь часто женятся главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть хозяйку и работницу въ домѣ. Но и это не главная цѣль брака. Въ самомъ дѣлѣ, если только эту цѣль должны непремѣнно преслѣдовать брачующіеся, то ея можно было бы скорѣе и легче достигнуть совершенно другимъ путемъ,—путемъ дружбы, союза, товарищества. Такихъ союзовъ мы можемъ встрѣтить немало вездѣ и всюду. Если бы главною цѣлю брака должна быть исключительно взаимопомощь, то бракъ подлежалъ бы расторженію, если бы онъ этой цѣли не достигалъ. А сколько такихъ случаевъ бываетъ въ семейной жизни, когда безнадежно или даже только болѣетъ супругъ или супруга.

Нѣкоторые утверждаютъ, что бракъ долженъ преслѣдовать отрицательную цѣль—противодѣйствіе распутству. И Апостоль говоритъ: „блудодѣянія ради кѣждо свою жену да имать, и каяждо своего мужа да имать“ (1 Кор. 7, 2). „Аще не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть жениться, нежели разжизниться“ (—7, 9). Правда, бракъ предостерегаетъ человѣка отъ зазорной порочной жизни, но и это не главная цѣль

брака. Бракъ установленъ до грѣхопаденія, а развѣ можно говорить о какой-либо зазорной жизни людей въ ихъ невинномъ состояніи? Слѣдовательно, какая-то другая идея была заложена въ основу брака, чѣмъ о какой говорятъ нѣкоторые. Эта первоначальная идея, конечно, нисколько не измѣнилась съ грѣхопадениемъ первыхъ людей.

Въ чемъ же тогда первая и самая главная цѣль брака? Бракъ имѣетъ свою цѣль въ самомъ себѣ. Первая и послѣдняя цѣль—полная и безпредѣльная преданность супруговъ другъ другу, полное общеніе ихъ во всемъ: и въ трудѣ, и въ перенесеніи скорбей и радостей, потому что „не добро быти человѣку единому“, — говоритъ Богъ. И слово Божіе, и преданіе, и народная вѣковая мудрость это общеніе представляютъ столь широкимъ и тѣснымъ, что мужъ и жена какъ бы превращаются въ одного человѣка, составляютъ одно лицо, одинъ организмъ ¹⁾. „Только какъ такое общеніе бракъ является нравственно-нормальнымъ отношеніемъ и соотвѣтствуетъ нравственному достоинству и свободѣ человеческой личности. Если личности различнаго пола вступаютъ въ общеніе только на основаніи одного физическаго полового влеченія, если только одна физическая потребность производитъ ихъ взаимную принадлежность, то такое отношеніе не соотвѣтствуетъ нравственному достоинству и свободѣ личности. Такое отношеніе касается какъ бы только одной части лица. Но лицо есть недѣлимая единица, нераздѣльное цѣлое. При нравственно-здоровомъ, нормальномъ состояніи человеческой природы, одно тѣлесное общеніе не можетъ быть обособлено отъ другихъ сторонъ жизни человѣка. Тѣло въ жизни есть только необходимый органъ для проявленія всѣхъ ея сторонъ и осуществленія всѣхъ ея задачъ. Поэтому кто жертвуетъ своимъ тѣломъ другому, тотъ нормально и надлежащимъ образомъ дѣлаетъ это только въ такомъ случаѣ, и подъ тѣмъ условіемъ, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ съ другимъ въ цѣлое общеніе всей жизни. По Гегелю ²⁾ тѣлесное общеніе въ бракѣ есть прямо только слѣдствіе нравственно установленнаго союза“ ³⁾. Вотъ

¹⁾ М. Макарій. Догмат. Богословіе. Т. 5, стр. 10—11. Ср. Проф. М. Олесницкій. Изъ системы христіанскаго правоученія. Стр. 422—423. Кіевъ 1896.

²⁾ Encycl. § 519. Cf. *Rothe*. Theolog. Ethik. § 318, Aufl. 2.

³⁾ Н. Страховъ. Цит. соч. Стр. 71—72.

почему внутренно умершая семья, которая искусственно сохраняется въ цѣлости, переживаетъ танталовы муки. „Люди еще молодые, годные къ труду, къ пользѣ, къ добру, становятся лѣнивыми, бесполезными, злыми. Общество теряетъ сотрудниковъ, церковь—вѣрующихъ, человѣчество—добрыя сердца. Никто ничего не пріобрѣтаетъ въ этой мучительной борьбѣ, въ этомъ самоистребленіи, даже колыбель, къ изголовью которой склоняются не радостныя, лаской озаренныя лица, а блѣдныя, измученныя борьбой, искаженныя судорогой изстуженной любви, ненависти и упорства“ 1).

Указанными чертами бракъ существенно отличается отъ того, что мы наблюдаемъ въ мірѣ животныхъ и что можно также назвать бракомъ, если смотрѣть на бракъ такъ, какъ смотрятъ на него нѣкоторые. „И въ царствѣ животныхъ дѣйствуетъ противоположность половъ. Но, во-первыхъ, здѣсь не достаетъ идеальной красоты, преобразующей человѣческую любовь. Во-вторыхъ, въ царствѣ людей половое влеченіе подчинено *господству воли*,—воля можетъ обуздывать его и даже совсѣмъ подавлять, если того требуютъ другіе интересы,—въ царствѣ же животныхъ половое влеченіе дѣйствуетъ съ непреодолимою силой. Затѣмъ—въ царствѣ людей половая противоположность не только служитъ удовлетворенію полового влеченія и умноженію рода, но и вступаетъ въ служеніе *высшей*, нравственной цѣли жизни. Соединившіяся на основаніи половой противоположности два лица создаютъ общій очагъ, все дѣлятъ между собою, совмѣстно несутъ труды и страданія, воспитываютъ дѣтей, чѣмъ долѣе живутъ вмѣстѣ, тѣмъ глубже и искреннѣе сживаются, чувствуя себя неразрывно связанными и тогда, когда чувственно эгоистическая сторона ихъ отношеній увядаетъ“ 2).

Отсюда ясно намѣчаются и взаимныя обязанности супруговъ. „Назначеніе вступившихъ въ бракъ состоитъ въ томъ, чтобы свято соблюдать заключенный союзъ, взаимно содѣйствовать нравственному преуспѣянію и дѣлить тягости жизни и затѣмъ воспитывать дѣтей, если Богъ благословитъ ими“. Супруги должны составлять какъ бы одного человѣка, одушевленнаго одними думами, чувствами и занятіями. „Су-

1) К. К. Дѣти при возможн. разводѣ. Нов. Врем. № 8511, 1899 г.

2) Проф. М. Олесницкій. Цит. соч. Стр. 420—421.

пруги должны принимать живое взаимное участіе въ занятіяхъ своихъ... Мужъ и жена должны дѣлать всѣ скорби, какъ и всѣ радости свои... Такъ какъ сочетавшіеся бракомъ суть грѣховные люди, со многими недостатками и слабостями, то дальнѣйшая обязанность супруговъ есть взаимное *терпѣніе* и *снисхожденіе* къ недостаткамъ и слабостямъ своимъ и взаимная забота о возможномъ устраненіи недостатковъ, въ особенности пороковъ. Кто истинно любитъ другое лицо, тотъ непременно будетъ стараться о нравственномъ усовершенствованіи его. А прежде всего каждое супружеское лицо должно заботиться объ устраненіи своихъ недостатковъ, особенно тѣхъ, которые непріятны другому супружескому лицу. И какое безчисленное множество благопріятныхъ случаевъ найдется у супруговъ для взаимнаго благотворнаго вліянія“¹⁾. Поэтому женихъ и невѣста, собирающіеся сочетаться брачнымъ союзомъ на всю жизнь, не страсти должны искать другъ въ другѣ, но того,—говорить одинъ высокообразованный святитель, — „что могло бы служить прочнымъ основаніемъ будущаго счастья въ продолженіе всей настоящей жизни, и залогомъ блаженства въ жизни будущей; ищите, какъ сами въ себѣ, такъ и другъ въ другѣ, тѣхъ добрыхъ свойствъ душевныхъ, безъ которыхъ не можете быть истинно счастливыми“²⁾. „Доброе сердце, кротость, невинность, скромность, ревность къ соблюденію заповѣдей Божіихъ, ненарушимая взаимная любовь и вѣрность, крѣпкая любовь къ Богу и ближнимъ, смиренная преданность и живое упованіе на Него во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,—вотъ условіе, и залогъ вашего истиннаго счастья, въ прохожденіи семейной жизни! Вотъ богатство, вотъ красота, вотъ преимущества, которыхъ прежде всего, вы, будущіе супруги, должны желать и искать въ себѣ и другъ въ другѣ! Только при этихъ условіяхъ другія блага могутъ истинно украшать ваше благосостояніе и умножать благословеніе Божіе на васъ и на питомцахъ вашихъ“³⁾.

Брачный путь не есть путь, усыпанный одними только розами; это не сказочный какой-либо золотой сонъ, который

1) Проф. М. Оленицкій. Цит. соч. Стр. 435—436.

2) Епископъ Евсеій. Бесѣды о семи спасительныхъ таинствахъ правосл. католическія церкви. Стр. 477. СПб. 1849 г.

3) Тамъ же. Стр. 472.

такъ чаруетъ насъ; это не волшебное царство, въ которомъ не существуетъ ни бѣдъ, ни несчастій, ни недостатковъ, ни болѣзней, ни воздыханій, это не вѣчная розовая мечта или греза. На этомъ пути часто встрѣчаются очень колючіе шипы. Сказочный волшебный сонъ нерѣдко смѣняется горькою дѣйствительностью. Мечта и грезы—часами глубокаго разочарованія. Гдѣ искать тутъ человѣку спасенія? Куда укрыться отъ житейской невзгоды, которая, разражаясь надъ человѣкомъ, преслѣдуетъ, гонитъ, не щадитъ его, хотя бы онъ проливалъ горькія слезы мольбы о пощадѣ или былъ даже близокъ не только къ разводу, но и къ самоубійству. Спасеніе въ эти минуты человѣкъ, конечно, найдетъ не въ страсти, а въ терпѣніи. Замѣчательны въ данномъ случаѣ слѣдующія строки того же высокопросвѣщеннаго архипастыря.

„Сколько не будете стараться по взаимной любви угождать другъ другу; но не можете поручиться за то, что никогда ничѣмъ не оскорбите другъ друга, или что одинъ въ другомъ ничего не будетъ видѣть неприятнаго для себя. Это невозможно: на землѣ между смертными нѣтъ такого полного и неизмѣннаго совершенства, которое бы само собою могло быть источникомъ ненарушимаго мира, согласія и довольства. Поэтому и необходимо намъ имѣть терпѣніе и снисходительность другъ къ другу, какъ врачевство противъ всѣхъ случаевъ къ несогласію и ослабленію взаимной любви. Терпѣніе заповѣдано самимъ Господомъ: *въ терпѣніи вашихъ стяжите души ваша.* И въ семейныхъ вашихъ отношеніяхъ пужно тоже терпѣніе, по заповѣди Господа. Встрѣчаешь ли ты, мужъ, какое-нибудь не нравящееся тебѣ свойство въ женѣ, съ которою однажды навсегда ты соединился узами брака: покрой неприятное терпѣніемъ. Видишь ли поступокъ, или слышишь слово, которое не по сердцу тебѣ: опять употреби въ помощь терпѣніе, и суди о женѣ снисходительно, какъ о немощнѣйшемъ сосудѣ. Умѣй врачевать раны благоразуміемъ и любовію, какъ глава союза, и никогда не будь нетерпѣливъ и неснисходителецъ. Также дѣлай и ты, жена, по отношенію къ твоему мужу, всегда помня, что Богъ поставилъ его главою твоимъ, и ты должна быть ему покорна. Такъ въ терпѣніи другъ друга тяготы носите“ 1).

1) Тамъ же. Стр. 497—498. Ср. *Н. Страховъ*. Цит. соч. Стр. 65.

VI.

Не иначе смотреть на сущность брака и инославные богословы и писатели. Приведемъ хотя нѣсколко строкъ изъ ихъ сочиненій о бракѣ. Не страсти лежатъ въ основѣ брака и семьи, и по ихъ мнѣнiю. „Утверждающiе это очевидно, желаютъ поставить законъ плоти или членовъ на мѣсто закона духа. Многохвальная истина въ страсти весьма часто здѣсь есть лишь простое безстыдство, которое не краснѣетъ предъ закономъ нравственности. Плотская похотливость, очевидно, отрицаетъ здѣсь то, что бракъ есть учрежденiе, стоящее выше отдѣльныхъ личностей, что личности даютъ обязательство не только другъ предъ другомъ, но предъ высшимъ авторитетомъ, именно Богомъ, что цѣль брака не есть исключительно то, что выставляется именно здѣсь; что личности должны быть счастливы и взаимно прiятны другъ другу, но что кромѣ того отнюдь не послѣднею цѣлью этого учрежденiя является то, чтобы личности чрезъ посредство брака были воспитываемы ко взаимному возрастанiю въ добродѣтеляхъ, вслѣдствiе чего христанство также говорить о крестѣ, который Богъ положилъ на это состоянiе жизни“ ¹⁾. „Мужъ и жена,—говоритъ тотъ же западный епископъ,—не должны смотрѣть на бракъ съ точки зрѣнiя счастья, удовольствiя или наслажденiя, но смотрѣть на него, какъ на призванiе, священныя обязанности котораго они должны исполнять. Мужъ, по установленiю Божию, долженъ быть главой жены (Быт. 3, 16; Ефес. 5, 23; I Кор. 13, 3), а также и всего семейства, о содержанiи котораго онъ заботится, занимая въ то же время опредѣленное положенiе въ національной и гражданской общинѣ, въ которой онъ находитъ сферу своей дѣятельности. А жена должна быть правящимъ центромъ домохозяйства, и хотя, вступая въ брачное состоянiе, она отнюдь не обязывается устраняться отъ всѣхъ другихъ общественныхъ или дружественныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе сама природа указываетъ ей сферу дѣятельности въ собственномъ домѣ. Она именно должна смотрѣть за удобствами дома своего мужа и своихъ дѣтей. Когда поэтому мы требуемъ отъ женщины домовитости, бережливости, порядочности и изящества, то такими

¹⁾ *Мартенсенъ*. Цит. соч. Стр. 414.

качествами отнюдь нельзя пренебрегать, какъ незначительными, низкими и прозаическими, а напротивъ—они составляютъ непремѣнное условіе той поэзіи жизни, которая должна процвѣтать у домашняго очага. Мудрый царь израильскій не пренебрегаетъ этими качествами въ своемъ описаніи жепщины, цѣна которой выше рубиповъ (Притч. 31, 10)¹⁾.

Въ обычномъ представленіи брачной жизни любовь супруговъ бываетъ самой напряженной только въ первые дни ихъ совмѣстной жизни. Затѣмъ она съ каждымъ новымъ днемъ становится все менѣе и менѣе напряженной, наконецъ почти совершенно погасаетъ вмѣстѣ съ угасаніемъ страстей. А любовь, которую полагаетъ въ основу жизни супруговъ Мартенсенъ, „имѣетъ своимъ назначеніемъ возрастаніе и развитіе ея“. Почтенный авторъ немало говоритъ и объ условіяхъ, способствующихъ и пренятствующихъ развитію этого сложнаго, высокаго, святаго и чистаго чувства. „Возрастаніе ея можетъ также затрудняться и пресѣкаться, когда любовь слишкомъ эгоистична, когда любящіе желаютъ принадлежать другъ другу слишкомъ исключительно и одно-сторонне, когда одинъ не можетъ сносить того, чтобы другой въ какомъ-либо смыслѣ существовалъ для другихъ цѣлей, или для личностей также, но считаетъ всякое свободное движеніе, всякій интересъ, проявляемый къ другимъ личностямъ или другимъ дѣламъ, ущербомъ и оскорбленіемъ для себя самого. Это извращенное стремленіе къ единичному обладанію развивается въ страсть ревности, болѣзнь, питаемую призраками, простымъ ничто (какъ въ примѣрѣ Отелло), въ такую страсть, въ которой человекъ подвергаетъ себя скорби, даже причиняетъ себѣ самому самыя тяжелыя мученія“²⁾. „Чтобы любовь могла достигнуть должной себѣ зрѣлости, брачная чета все должна дѣлать другъ съ другомъ. Но требованіе, чтобы мужъ и жена дѣлили между собою радости и скорби жизни, жили вмѣстѣ и одинъ для другого, и такимъ образомъ взаимно содѣйствовали развитію своей личности, есть невозможное, пока они не находятся въ такомъ состояніи, чтобы раздѣлять также и интересы одинъ дру-

¹⁾ *Мартенсенъ*. Цит. соч. Стр. 463. Cf. *Stein*. Die Frau auf dem Gebiete der Nationalöconomie. 1895.

²⁾ *Мартенсенъ* Стр. 464.

гого“¹⁾ Все въ теченіе ихъ жизни должно вести ихъ къ ближайшему и тѣспѣйшему союзу. „Среди этой жизни во взаимныхъ интересахъ и для нихъ, среди постоянного обмѣна идей, среди радостей и скорбей и всего разнообразія обязанностей, ежедневно предъявляемыхъ жизнью, среди постоянного вращенія въ одной и той же орбитѣ, которая, рассматриваемая совнѣ, можетъ носить на себѣ отпечатокъ монотонности, но всегда должна быть новою совнутри, среди общихъ испытаній и общаго участія въ болѣе поглощающихъ событіяхъ, среди все болѣе возрастающей интимности, въ которой ихъ сердца, ихъ добрыя качества, ихъ недостатки все болѣе открываются другъ для друга,—среди всего этого оба они должны, такъ сказать, срастаться между собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна возрастать, очищаться и созрѣвать и самая любовь. Въ этомъ гармоническомъ сожитіи и во все болѣе возрастающей любви и состоитъ счастье брачной жизни“²⁾.

И по воззрѣнію Мартенсена, бракъ не представляетъ собою какого то блаженства непрерывнаго, какого то постоянного сладостнаго мистическаго погруженія въ страсти и служенія имъ. Бракъ—крестъ, тернѣшіе и иногда великое — вотъ единственный путь къ счастью въ бракѣ. „Ни одинъ бракъ не есть чистая гармонія и счастье. Опытъ показываетъ, что этотъ рай въ то же время есть и школа, изобилующая серьезной дисциплиной и испытаніями. Изъ опыта извѣстно, что разумѣется въ брачномъ священнодѣйствіи подѣ „крестомъ“, который возлагается на это состояніе, и подѣ тѣмъ, что „человѣкъ долженъ ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица своего, что женщина должна рождать съ болѣзнями“, и что „ея воля“, отъ природы своенравная и наклонная къ деспотизму, „должна подчиняться мужу“... Въ брачной жизни прежнія иллюзіи любви прекращаются, качества, которыя супруги приписывали одинъ другому, когда видѣли другъ друга въ розовомъ свѣтѣ, исчезаютъ, и съ другой стороны обнаруживаются многіе неподозрѣвавшіеся раньше недостатки, особенности и своеобразности, и вообще разныя недочеты“³⁾. Гдѣ искать

1) Тамъ же. Стр. 465.

2) Тамъ же. Стр. 465—466.

3) Тамъ же. Стр. 467—468.

помощи въ данномъ случаѣ брачной четѣ? Не въ страстяхъ ли? „Одна только вѣра дѣлаетъ (ихъ) способными нести этотъ крестъ, будемъ ли мы разумѣть подъ нимъ трудъ терпѣнія, которымъ они обязаны одинъ другому въ силу ихъ грѣха, или вѣрнѣю долю, которую они должны сносить вмѣстѣ. Среди безмолвнаго возрастанія вѣры и святости, бракъ долженъ приближаться къ тому идеалу, который представляетъ Апостоль, когда онъ видитъ въ общеніи мужа и жены образъ общенія между Христомъ и церковію—идеаль столь великій и возвышенный, что мы можемъ приближаться къ нему лишь постепенно, среди несовершенствъ и слабостей... Евангеліе Христово непрестанно все болѣе и болѣе будетъ становиться тогда въ брачной семейной жизни тою „закваской“, которая невидимо и незамѣтно проникаетъ всѣ земныя и временныя отношенія. Оно также все болѣе и болѣе будетъ становиться „жемчужиной“, какъ это въ особенности будетъ обнаруживаться въ томъ обстоятельстве, что бракъ и семейство будутъ входить все въ болѣе тѣсную связь съ церковію и ея благодатными средствами, и въ дальнѣйшей жизни будетъ замѣчаться отголосокъ церковной жизни“¹⁾.

Не только у христіанскихъ народовъ, но даже и у языческихъ мы встрѣчаемъ этотъ высокій и глубокій взглядъ на брачную жизнь, какъ на нравственный, святой союзъ, какъ на полное нравственное соединеніе и общеніе двухъ личностей, а не тѣль. Въ Зендъ-Авестѣ, древнѣйшей священной книгѣ Персовъ, мы находимъ такія слова жреца, обращенныя имъ къ отцу невѣсты: „ты даешь ее для земли и для неба, какъ послушницу закона, благоразумной помощницей мужу, чтобы стать съ нимъ однимъ тѣломъ и одной душой“²⁾. По представленію Зендъ-Авесты, человѣкъ, какъ слуга добраго начала, долженъ всю жизнь свою бороться со злымъ началомъ. Жизнь человѣка—это постоянная, упорная, трудная борьба добра со зломъ. Чтобы облегчить этотъ нелегкій трудъ борьбы со зломъ, болѣе обезпечить себѣ возможность одержанія побѣды надъ нимъ, человѣкъ долженъ былъ вступать въ брачный союзъ. Отсюда само собой совершенно понятно, почему бракъ, основанный на одной чув-

1) Тамъ же. Стр. 470.

2) *Hilse*. Civil. und misch. Ehe. Berlin. 1869, s. 20.

ственной сторонѣ, на „порохѣ“ и „страстяхъ“, у нихъ отвергался. У Индійцевъ, по закону Ману, бракъ, заключенный только по страсти, считался также низкимъ. По индійскому воззрѣнію, женщина—„половина мужщины, она лучший другъ, цѣлая половина человѣка“¹⁾. Весьма высокое понятіе о бракѣ несомнѣнно было и у древнихъ Римлянъ. Римскіе юристы опредѣляютъ бракъ, какъ „союзъ мужа и жены, соединеніе цѣлой ихъ жизни, общеніе божескихъ и человѣческихъ правъ“²⁾. „Выходя за тебя за мужъ,—говорила Бруту благородная Порція,—я дѣлаю это не для того, чтобы, подобно наложницѣ, быть около тебя на ложѣ и за столомъ, но для того, чтобы дѣлать добро и зло, которое можетъ съ тобою случиться“³⁾. Замѣчательнъ въ этомъ отношеніи и одинъ миѳъ Грековъ о происхожденіи любви. Было пѣкогда время,—разсказываетъ этотъ миѳъ,—когда не различались люди въ половомъ отношеніи, потому что тогда оба пола совмѣнялись въ одномъ человѣкѣ. Люди съ такой организаціей въ одно время безумно рѣшились возстать противъ боговъ. Тогда Зевсъ, чтобы наказать непослушныхъ людей, каждое существо раздѣлилъ на двѣ половины. И съ тѣхъ поръ раздѣленныя половины постоянно стремятся другъ къ другу, имѣютъ непреодолимое влеченіе снова соединиться и образовать одно нераздѣльное существо. Въ этомъ миѳѣ заложена глубокая, скажу болѣе, христіанская идея: бракъ не исчерпывается одною чувственно-матеріальной стороной, а представляетъ собою свободное общеніе двухъ личностей, до того глубокое, полное и всеобъемлющее, что онѣ представляются уже не какъ бы двумя раздѣльно существующими личностями, а единою личностію, единымъ организмомъ, единымъ тѣломъ.

Предъугадываю, что мои доводы могутъ назваться доводами теоретика, который приводитъ, можетъ быть, и убѣдительныя соображенія, по эти соображенія идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительною жизнію. Скажутъ, для чего намъ церковныя авторитеты, когда моя душа, когда мое горячее сердце, бьющееся въ моей груди, говорятъ мнѣ совершенно другое и влекутъ

1) *Архим. Хрисаноз. Религіи древняго міра. Т. I, стр. 354 сл.*

2) *Cicer. De offic. 1, 17.*

3) *Plat. Cato min. 13. Brat. 13, 23.*

меня на иной жизненный путь, діаметрально-противоположный начертываемому вами. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, дѣйствительно „страсти“ составляютъ основу и сущность семейной жизни? Можетъ быть, въ страстяхъ заключается „зизждущее“ семьи? Можетъ быть, въ нихъ все счастье человѣка?

VII.

Однажды я читалъ чинъ исповѣди мирянь по очень старинному требнику. Въ немъ мое вниманіе невольно остановили грѣхи противъ седьмой заповѣди, какіе совершали миряне въ то время. Здѣсь упоминался грѣхъ нарушенія супругами супружеской вѣрности, далѣе перечислялись такія формы этого грѣха, какія безъ толковника или книги не только понять, но и представить невозможно. Человѣкъ погружался въ такую бездну паденія, глубже которой уже нельзя и измыслить. Какъ будто бы въ это время духъ лукавый руководилъ человѣкомъ, а не самъ человѣкъ являлся творцомъ своихъ ужасныхъ и омерзительныхъ грѣховъ. Оказывается, что не только эти грѣхи возможны и мыслимы для семейныхъ людей, но и весьма часто въ дѣйствительности совершаются ими и даже, можетъ быть, они въ данномъ случаѣ не особенно много уступаютъ людямъ неженатымъ. Оказывается, что слово Спасителя о воззрѣнн на женщину „ко еже вожделѣти ей“ (Мѣ. 5, 28) имѣетъ непосредственное и жизненное отношеніе и къ нимъ. Итакъ, бракъ не гарантія чистоты и цѣломудрія. Для всякаго человѣка, брачнаго и небрачнаго, всегда возможно паденіе, потому что одна и та же страсть не можетъ быть вѣчно юной и одинаково напряженной. Не отрицаютъ этого даже тѣ, которые говорятъ о „порохѣ и страстяхъ“. „Если я ухожу изъ семьи,—пишетъ В. Розановъ,—знайте, что я именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиліемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью“. На это слѣдуетъ обратить особое вниманіе тѣмъ, которые кладутъ въ основу семьи страсти и „порохъ“ различный. Вѣдь въ данномъ случаѣ зависитъ „быть или не быть“ ихъ брака, ихъ семейной жизни. „Физическія влеченія природы, взятая сами въ себѣ, дѣйствительно не могутъ всегда оста-

ваться неизмѣнными по отношенію къ одному и тому же предмету; какъ ихъ возникновеніе всегда зависитъ отъ возникновенія вѣшняго стимула, такъ и ихъ сила и продолжительность обуславливаются всегда только силою и продолжительностью этого стимула. Какъ скоро какой-нибудь предметъ теряетъ по отношенію къ нему силу возбуждающаго ихъ стимула, то они необходимо прекращаются по отношенію къ этому предмету, потому что безъ стимула сами собою они уже не могутъ поддерживаться и оживляться и могутъ быть возбуждаемы какимъ-либо новымъ стимуломъ, представляющимся въ новомъ предметѣ. Даже если они и не перестаютъ сохраняться по отношенію къ какому-нибудь предмету, но имѣя въ немъ только слабый стимулъ, они всегда легко могутъ обратиться отъ этого предмета къ другому, какъ скоро въ послѣднемъ представился бы болѣе сильный стимулъ. Такимъ образомъ, чувственными влеченіямъ природы по самому существу ихъ принадлежитъ характерное свойство всѣхъ страстей, имѣющихъ источникомъ своимъ физическую природу человѣка¹⁾. „Другія страсти склонны оставаться неизмѣнными какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ предметахъ, на которые онѣ направлены. Такъ, гордый человѣкъ всегда и вездѣ гордъ; его гордость, получая себѣ удовлетвореніе, не ослабѣваетъ, а еще болѣе возрастаетъ и неизмѣнно направляется на себя самого, на превознесеніе своей личности. Скупой человѣкъ, приобретая все болѣе и болѣе, только развиваетъ свою страсть, направленную неизмѣнно на одно и то же—на накопленіе богатства. Напротивъ, какъ бы ни былъ жаденъ человѣкъ, по съѣвши много, онъ чувствуетъ пресыщеніе и отвращеніе къ пищѣ; какъ бы онъ ни любилъ извѣстное блюдо, по злоупотребивши имъ, онъ стремится къ замѣнѣ его другимъ. То же—и въ области страстной любви между лицами различнаго пола: какою бы пылкою страстію ни былъ преисполненъ человѣкъ, но—„едва лишь утолитъ сердечный гладъ мгновеннымъ обладаемъ,—уже скучаетъ и томится“.. и ищетъ новаго предмета страсти. Самая страсть, быть можетъ, и неизмѣнна и остается въ немъ (какъ прирожденная страсть натуры), но въ отношеніи предметовъ своихъ она

1) Н. Страховъ. Цит. соч. Стр. 219—220.

крайне непостоянна. Не ясно ли, что она столь же эгоистична, какъ и всѣ вообще страсти? Ея непостоянство несомнѣнимо съ истинной любовью и можетъ быть объяснено только тѣмъ, что, вопреки видимой преданности другому, человѣкъ въ ней служитъ только себѣ самому и именно—низшимъ потребностямъ своей физической природы, переходящимъ и измѣнчивымъ по самому существу своему. На такой ли основѣ создается христіанскій бракъ? Это ли чистый источникъ, изъ котораго рождается непорочная семья?“¹⁾ Весьма замѣчательны въ данномъ случаѣ и слѣдующія строки о бракѣ г. Меньшикова. „Несчастны браки,—говоритъ онъ,—основанные на половой „любви“, на наслажденіи. Эта страсть, какъ и всякая страсть ненасытна. Какъ пьяница переходитъ отъ бутылки къ бутылкѣ, измѣняя каждой, какъ скупецъ вожаделѣваетъ лишь той горсти денегъ, которая не приобрѣтена, такъ и любовникъ, отвѣдавъ одной связи—непремѣнно ищетъ другой, подобной же. Тѣ, кто говоритъ о *вѣрности* въ чувственной любви, не понимаетъ самой природы послѣдней: она по существу своему есть измѣна. Въ половой любви вѣдь любятъ не человѣка, а то раздраженіе, какое она возбуждаетъ, какъ и въ винѣ, въ золотѣ любятъ не ихъ самихъ, а свое вызванное ими состояніе. Предметъ страсти есть всегда средство, и разъ оно неужно, теряетъ всякій интересъ. Половая любовь длится лишь до взаимнаго удовлетворенія, и затѣмъ „любимый“ человѣкъ превращается въ то-же, что пустой графинъ для пьяницы. Становится желаннымъ лишь новый, непочатый графинъ“²⁾. И какъ это глубоко справедливо. „Увы, мой другъ, говоритъ спокойно жена мужу.—Я васъ больше не люблю, я полюбила Валерія. Онъ моложе, сильнѣе, красивѣе васъ,—я хочу отъ него имѣть дѣтей.—А съ этими то дѣтьми какъ же? возражаетъ несчастный мужъ.— Съ этими—какъ вамъ угодно,—вы отецъ.—Но это низость, говоритъ мужъ.—Фу, какой вы отсталый! возражаетъ жена:—неужели вы ничего не слышали о половомъ подборѣ? Законъ природы,

¹⁾ *К. Сильченковъ*. Цит. соч. Стр. 7—9.

²⁾ *М. О. Меньшиковъ*. Элементы Романа. (О супружествѣ). Стр. 166. Ж. Нед. 1898 г. Мѣс. Январ. Ср. *Л. Толстой*. Воскресеніе. Стр. 65 слд.

другъ мой—не могу же я нарушать законъ природы! Есть ли что священнѣе законовъ природы?...

— А законъ Христа...

— Фи,—опять вы съ архаической моралью...

Разговоръ кончается, конечно, тѣмъ, что передовая дама бѣжитъ къ своему Валерію, требуетъ у мужа развода („И, если ты благороденъ, то конечно, возьмешь вину на себя“, пишетъ она ему),—и затѣмъ... года черезъ три мужъ узнаетъ, что жена уже въ объятіяхъ Аркадія,—затѣмъ идутъ Вольдемаръ, Юрій... Сорвавшаяся съ цѣпи супружества, дама совершаетъ „половой подборъ“ съ такою послѣдностью, точно „великому закону“ Дарвина грозитъ отмѣна... Что такое любовь? восклицаютъ въ свою очередь мужчины: вѣдь это и есть голосъ Божій. Разъ я разлюбилъ свою жену и полюбилъ другую, я имѣю не только право, но и обязанность бросить жену, хотя бы и съ кучею прижитыхъ дѣтей. Полюбилъ—значитъ почувствовалъ голосъ Бога въ себѣ, который ведетъ меня къ другой женщинѣ. Разлюблю эту, приглянется третья—опять же это будетъ голосъ Божій, и я правственно буду обязанъ слѣдовать ему. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Это, видите ли, вовсе не моя воля, и не мой выборъ: самъ Богъ меня соединяетъ съ новыми женщинами, и никто не смѣй вмѣшиваться въ это дѣло: „что Богъ сочеталъ, чело-вѣкъ да не разлучаетъ“¹⁾.

Если бы супружество основывалось на однихъ только страстяхъ, оно необходимо должно было бы существовать въ видѣ только случайныхъ, самыхъ измѣнчивыхъ половыхъ связей. Брачный союзъ тогда долженъ бы разорваться и прекратиться въ теченіе жизни цѣлыя сотни разъ, чтобы начаться потомъ снова совершенно среди другихъ условий. И это нужно сказать не относительно одного только чело-вѣка, а относительно почти всѣхъ. Если когда-либо семейная жизнь будетъ построена по этой теоріи, то мы увидимъ на землѣ настоящій хаосъ. Жизнь людей въ половомъ отношеніи тогда будетъ точною копіею жизни животныхъ, незнающихъ ни мужей, ни женъ. Правда, „отдѣльные въ жизни случаи подтверждаютъ, повидимому, мнѣніе г. Розанова и придаютъ ему нѣкоторый видъ правдоподобія.

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Цит. соч. Стр. 180—181.

Разумѣемъ тѣ случаи, когда страсть дѣйствительно какъ будто ложится въ основу семьи и притомъ такой семьи, которая кажется близкою къ идеалу по взаимной преданности супруговъ, неизмѣнной до конца ихъ вѣрности другъ другу, чистотѣ ихъ отношеній и т. д. Но не трудно видѣть, что и въ этихъ случаяхъ страсть не имѣетъ вовсе приписываемаго ей значенія, что въ такихъ семьяхъ она играетъ роль только временнаго опьяненія, болѣзни и т. п., а не дѣйствительной основы. Бываетъ такъ, что у взаимно оцѣнившихъ и, слѣдовательно, разумною любовью полюбившихъ другъ друга — любовь ихъ, постепенно возрастая, переходитъ въ страсть; возникаетъ счастливый семейный союзъ, и иной недальновидный наблюдатель готовъ видѣть въ немъ подтвержденіе благодѣтельнаго значенія страсти. Но страсть остается вѣрною себѣ: она сравнительно быстро уходитъ, и если семейное счастье не разрушается, то ясно, что не страсть, вопреки видимости, лежала въ основѣ его, а именно то разумное чувство, которое предшествовало ей и осталось неизмѣннымъ, когда ея уже не стало, когда она исчезла, именно какъ временное опьяненіе или болѣзнь. Случается и наоборотъ,—что страсть предшествуетъ разумному чувству; страстное влеченіе сразу овладѣваетъ влюбленными,—когда же оно исчезаетъ, разумъ, вступая въ свои права, усматриваетъ дѣйствительныя основанія ко взаимной любви супруговъ, дѣйствительныя достоинства ихъ,—и семья остается счастливою и благоденствующею. Не ясно ли, однако, вновь, что не страсть, а разумное чувство лежитъ въ основѣ такой семьи, что ему она обязана своимъ счастьемъ, элементъ же страсти былъ лишь случайнымъ и несущественнымъ? Не созидать свойственно страсти, а разрушать, и полагать въ основу брака страсть — значитъ не утверждать достоинство брака и его чистоту, а испровергать его“¹⁾).

Въ литературѣ мы уже имѣемъ описаніе подобныхъ прелестей семейной жизни при господствѣ и распространенности этой теоріи. Я когда то читалъ романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“. Герой этого романа построяетъ свою

¹⁾ К. Сильченковъ. Цит. соч. Стр. 8—9. Ср. М. Маньшаковъ. Цит. соч. стр. 166.

семеиную жизнь на началахъ страсти. И что мы видимъ? Нѣсколько лѣтъ эти начала удерживаютъ его въ одномъ домѣ. Потомъ они мало по малу утрачиваютъ свою прежнюю напряженность, и мы видимъ героя, свивающимъ свое гнѣздо совершенно въ другомъ домѣ. Здѣсь повторяется та же самая исторія, и чрезъ нѣсколько лѣтъ принципы влекутъ героя въ новый домъ, чтобы и здѣсь свить себѣ гнѣздо на самое непродолжительное время. Если герой останется вѣрнымъ этому принципу до конца дней своихъ, то несомнѣнно онъ до конца же дней своихъ будетъ переходить изъ дома въ домъ. Романъ Чернышевскаго копчается, кажется, мастерски написанной картиной той счастливой грядущей жизни, когда во всемъ обществѣ эти начала станутъ господствующими, когда не будетъ пынѣшнихъ ограниченій церковію брачныхъ отношеній, когда все будутъ другъ для друга мужами и женами. Для людей, полагающихъ въ основу брака „страсти“, это—счастливое и блаженное время. А для людей, смотрящихъ на бракъ съ христіанской точки зрѣнія, это безобразнѣйшій, гнуснѣйшій хаосъ, въ корнѣ разрушающій святой и великій по своему значенію очагъ христіанской семьи.

Нѣтъ, не можетъ быть устойчивости въ бракѣ, покоющемся на такомъ принципѣ. Мужу придетъ фантазія прогнать жену на другой день послѣ брака и сказать ей, какъ говорятъ отпущенникъ своей женѣ у Ювенала: „ступай вонъ, ступай вонъ: ты часто сморкаешься, а я хочу жену, у которой бы носъ былъ сухъ“. Жена уходитъ и ищетъ другого и такъ счастлива, что скоро находитъ; но и этому пришла такая же фантазія, что и первому—она должна искать третьяго и т. д.; она переходитъ отъ одного къ другому по нисходящей линіи, пока не износится до того, что уже ни одинъ горемыка не захочетъ прикрыть ея бѣдную голову,—и она должна будетъ дотягивать до могилы свое жалкое существованіе безъ привязанностей, одинокая, чуждая всему міру.

Вспоминается мнѣ и другой герой М. Волоховъ, ярко обрисованный нашимъ выдающимся писателемъ И. А. Гончаровымъ въ романѣ „Обрывъ“. Этотъ герой рассуждаетъ о бракѣ весьма любопытно. Христіанскаго взгляда на бракъ онъ, конечно, не признаетъ и въ защиту своего свободнаго

пониманія семейной жизни приводитъ слѣдующее основаніе. Онъ говоритъ: „вы хотите безсрочнаго чувства? Да развѣ оно есть? Вы пересчитайте всѣхъ вашихъ голубей и голубокъ: вѣдь никто безсрочно не любитъ. Загляните въ ихъ гнѣзда—что тамъ? Слѣбуютъ свое дѣло, выведутъ дѣтей, а потомъ воротятъ носы въ разныя стороны. А только отъ тупоумія сидятъ вмѣстѣ. На время сошлись бы, а потомъ явится новое увлеченіе, уступитъ ему и такъ далѣе“¹⁾. Почти тоже самое говоритъ и другой герой, прекрасно обрисованный другимъ нашимъ писателемъ. На слова дамы, что извѣстная любовь продолжается всю жизнь, онъ отвѣчаетъ: „да вѣдь это только въ романахъ, а въ жизни никогда. Въ жизни это предпочтеніе одного предъ другимъ бываетъ на года, что очень рѣдко, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы,—говорилъ онъ,—очевидно зная, что удивляетъ всѣхъ своимъ мнѣніемъ и довольный этимъ“²⁾.

На Западѣ во имя свободы страсти бракъ отрицали Ж. Зандъ, А. Дюма и др. Особенно настойчиво такія именно идеи не такъ давно пропагандировала извѣстная проповѣдница женской эмансипаціи—американка Викторія Вудгелль. Для пропаганды своихъ идей она путешествовала по всей Европѣ въ 1874 году. Основаніемъ семейной жизни она считала единственно только присутствіе естественнаго влеченія одного пола къ другому. А нѣкоторые, примыкая къ этому взгляду, идутъ еще далѣе, они открыто проповѣдуютъ проституцію, какъ самую нормальную форму отношеній между мужчиной и женщиной. „Нельзя считать паденіемъ,—говорятъ они,—если женщина предается съ полнѣйшей свободой половому наслажденію съ любовію“. По ихъ взгляду, всякое дѣйствительное паденіе и есть именно настоящій

¹⁾ *И Гончаровъ*. Обрывъ. Т. 5, стр. 337.

²⁾ Встрѣчаемъ эти воззрѣнія мы и въ послѣднемъ новѣйшемъ произведеніи русской литературы, на которое обращено вниманіе всей Европы. О Новодворовѣ авторъ этого произведенія пишетъ: „вопросъ объ отношеніи половъ казался ему, какъ и всѣ вопросы, очень простымъ и яснымъ и вполне разрѣшеннымъ признаніемъ свободной любви. У него была одна жена фиктивная, другая настоящая, съ которой онъ разошелся, убѣдившись, что между ними нѣтъ истинной любви, и теперь намѣревался вступать въ новый свободный бракъ съ Грабецъ“. *Л. Толстой*. Воскресеніе. Т. 2, ч. 3, стр. 54. Ср. Крейцъ. соч. Стр. 11—12.

бракъ ¹⁾. Всякое такъ называемое паденіе есть лишь не что иное, какъ удовлетвореніе естественныхъ влеченій сердца. Мы не имѣемъ права не признавать и не уважать этихъ влеченій, не имѣемъ права и подчинять свободныя влеченія сердца какимъ-либо ограниченіямъ и какому-либо закону. Неестественно ограничивать естественныя природныя влеченія; незаконно ограждать законныя движенія сердца. Говорятъ: „человѣкъ не властѣн надъ своимъ сердцемъ“. Слѣдовательно, отношеніе одного пола къ другому не можетъ быть постояннымъ, неизмѣннымъ, слѣдовательно, оно не можетъ быть возведено въ разрядъ какихъ-либо обязанностей и устойчивыхъ правилъ. Если же отношенія одного пола къ другому не могутъ быть постоянными и тѣмъ болѣе—обязанностью, закономъ, то требованія относительно брака, предъявляемыя церковію и государствомъ, конечно, являются не чѣмъ инымъ, какъ только насиліемъ человѣческой природы. Они налагаютъ на него оковы и цѣпи, которыхъ онъ совершенно не заслужилъ. Поэтому человѣкъ, какъ свободное существо по духу и по тѣлу, долженъ отвергать всѣ эти церковныя и гражданскія преграды. Полная свобода—вотъ его удѣлъ въ указанномъ направленіи ²⁾. „Матеріалисты до сихъ поръ не кривятъ душой; они прямо утверждаютъ, что никакой супружеской вѣрности нѣтъ, что ее и не должно быть „въ интересахъ породы“. Подобно тому, какъ идеалисты ссылаются на Христа, матеріалисты на своего мессію—Дарвина. Какъ прежде указывали на міръ святыхъ, такъ теперь—на животный міръ. „Среди животныхъ не замѣчается института супружеской вѣрности“, собаки мѣняють своихъ женъ,—слѣдовательно... Поведеніе собакъ, лягушекъ, насекомыхъ считается рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ. Нѣкоторые добродушные ученые, которые бы хотѣли вѣрнѣе въ Бога и въ старыя поэтическія бракъ,—пробуютъ возражать: „Позвольте! и среди животныхъ есть однодомныя, единобрачныя! Видъ такой то... Семейство такое то... Стало быть“... Наивные идеалисты,—они крайне рады, что вопросъ о супружествѣ „среди животныхъ“ еще не ясенъ, и есть надежда, что законъ брака для людей будетъ взятъ и не отъ собакъ.

1) *Русскій Вѣстникъ*. 1886 г. кн. Ноябрь. Стр. II. *Страховъ*. Цит. соч. стр. 218.

2) *Н. Страховъ*. Стр. 218—219.

Надежда, однако, плохая. Въ „новомъ евангелии“, у Дарвина, яено сказано, что кромѣ борьбы за существованіе совершается еще *половой подборъ*, который состоитъ въ томъ, что самые сильные самцы отбиваютъ самокъ у слабыхъ, а самки отдаются самымъ здоровымъ и красивымъ самцамъ. „Стало быть“... съ грустью вздыхаетъ ученый идеалистъ,—„стало быть они правы... Моя Лиза права, сбѣжавъ къ своему Димитрію, бросивъ меня старика. Половой подборъ... Собаки... Кошки“¹⁾).

Конечно, этотъ новый законъ жизни объявляется закономъ жизни не одного какого-либо человѣка, не одного какого-либо общества, а закономъ всѣхъ людей. Вотъ и смотрите, къ какимъ грандіознымъ послѣдствіямъ должна привести все человѣчество эта милая теорія „страстей“ и „порока“. Впрочемъ, отчего же и не испытать этой новой счастливой жизни? Міръ, — міръ теперь уже сѣдовласый, еще не видавъ подобной, всеобщей чудной картины жизни своихъ обитателей и насельниковъ. Гдѣ же тогда будетъ бракъ, не говоримъ уже церковный, но и гражданскій? Гдѣ будетъ семейное счастье? Что будетъ тогда съ дѣтьми, за которыхъ и по совѣсти, и по долгу, и по закону *должны* отвѣчать родители, какъ бы они не бѣжали отъ нихъ?

Не оправдываетъ эту теорію и современная дѣйствительная жизнь. Нельзя сказать, что въ настоящее время въ семьѣ мало удѣляется вниманія страстямъ. Можетъ быть, мнѣ въ данномъ случаѣ можно было бы сказать и гораздо больше. Я не буду развертывать страницы газетъ, романовъ, поэвіи, отъ чтенія которыхъ иногда невольно содрогается человѣкъ: такъ много непривлекательнаго яркими красками они повѣствуютъ о семейной жизни. И однако, не смотря на это, какъ часто семья или совсѣмъ распадается на глазахъ у всѣхъ, или ведетъ зазорную жизнь, сохраняя только внѣшнее единство и миръ. Ужъ не мало подобныхъ семей у насъ теперь насчитываютъ, и число ихъ постепенно, почти съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе увеличивается. Говорить ли о множествѣ холостяковъ, которые живутъ по этой теоріи, и однако ни къ чему доброму не приходятъ? Ихъ такое множество, что трудно даже приблизительно опредѣ-

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Цит. соч. Стр. 179.

лить. Предоставимъ лучше слово одному писателю, который мастерски, художественно, жизненно правдиво, глубоко психологично раскрываетъ постепенное развитіе семейной драмы въ бракѣ, въ основу котораго была положена одна только страсть, а не тѣ чувства, какія освящаетъ св. церковь.

Герой этой повѣсти, богатый человекъ, до брака велъ весьма зазорную жизнь въ извѣстномъ отношеніи. Онъ не стѣнялся ни чѣмъ. Задумавъ жениться, онъ и въ бракѣ видѣть продолженіе этой жизни, продолженіе болѣе прекрасное и болѣе свободное. Какъ и слѣдовало ожидать, ихъ „блаженство“ было непродолжительнымъ. Скоро должны были начаться, и дѣйствительно пачались, нестроенія въ этой еще только начинающей жить семьѣ. „Кажется, на 3-ій или 4-й день я засталъ ее скучною,—разказываетъ самъ мужъ,—сталъ спрашивать о чемъ она груститъ, сталъ обнимать ее, что по моему было все, что она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала. О чемъ? она не умѣла сказать,—но ей было грустно, тяжело. Я сталъ спрашивать, она что-то сказала, что ей грустно безъ матери. Мнѣ показалось, что это неправда. Я сталъ уговаривать ее, промолчавъ о матери. Я не понялъ, что ей просто было тяжело, а мать была только отговоркой. Она тотчасъ же обидѣлась за то, что я умолчалъ о матери, какъ будто не повѣривъ ей. Она сказала, что видитъ, что я не люблю ее. Я упрекнулъ ее въ капризѣ, и вдругъ лицо ея измѣнилось совсѣмъ, вмѣсто грусти выразилось раздраженіе, и она, самыми ядовитыми словами, пачала упрекать меня въ эгоизмѣ и жестокости. Я взглянулъ на нее. Все лицо ея выражало полнѣйшую холодность и враждебность, почти ненависть ко мнѣ. Помню, какъ я ужаснулся, увидавъ это. Какъ? что? думалъ я. Любовь—союзъ душъ, и вмѣсто этого вотъ что! Да не можетъ быть? Это не она! Я попробовалъ было смягчить ее, но наткнулся на такую непреодолимую стѣну холодной, ядовитой враждебности, что не успѣлъ и оглянуться, какъ раздраженіе захватило и меня, и мы наговорили другъ другу кучу неприятностей. Впечатлѣніе этой первой ссоры было ужасно. Я называлъ это ссорой, но это была не ссора, а было только обнаруженіе той пропасти, которая въ дѣйствительности была между нами. Влюбленность истощилась, и мы остались другъ противъ друга въ нашемъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т. е. два совер-

шешно чуждые другъ другу эгоисты, желающіе получить себѣ какъ можно больше удовольствія одинъ чрезъ другого.... Вторая ссора тѣмъ болѣе поразила меня, что она возникла по самому невозможному поводу. Но вотъ скоро наступила третья, четвертая ссора, и я понялъ, что это не случайность, и что это такъ должно быть, такъ и будетъ, и и ужаснулся тому, что предстоитъ мнѣ. Такъ началось съ первыхъ дней и продолжалось все время, и все увеличиваясь и ожесточаясь. Въ глубинѣ души я съ первыхъ же недѣль почувствовалъ, что я пропасть, что вышло не то, чего я ожидалъ, что женитьба не только не счастье, но и нѣчто очень тяжелое, но я, какъ и всѣ не хотѣлъ признаться себѣ (я бы не признался себѣ и теперь, если бы не конецъ) и скрывалъ не только отъ другихъ, но и отъ себя.

Время шло. Отношенія становились все враждебнѣе и враждебнѣе. И наконецъ дошло до того, что ужъ не разногласіе производило враждебность, но враждебность производила разногласіе: что бы она ни сказала, я уже впередъ былъ несогласенъ, и точно также она. На 4-й годъ съ обѣихъ сторонъ рѣшено было какъ то само собою, что опять другъ друга, согласиться другъ съ другомъ мы не можемъ. Мы перестали уже пытаться договориться до конца. О самыхъ простыхъ вещахъ, въ особенности о дѣтяхъ, мы оставались неизмѣнно каждый при своемъ мнѣніи. Какъ я теперь вспоминаю, мнѣнія, которыя я отстаивалъ, были мнѣ вовсе не такъ дороги, чтобы я не могъ поступиться ими; но она была противнаго мнѣнія, и уступить, значило уступить ей. А этого я не могъ. Она тоже. Она считала себя всегда, вѣроятно, совершенно правой предо мной, а ужъ я, для себя, былъ всегда святъ предъ нею въ своихъ глазахъ. Вдвоемъ мы были почти обречены на молчаніе или на такіе разговоры, которые, я увѣренъ, животныя могутъ вести между собою: „какой часъ? пора спать. Какой нынче обѣдъ? Куда ѣхать? Что написано въ газетѣ? Послать за докторомъ. Горло болитъ у Маши“. Стоило на волосокъ выступить изъ этого, до невозможности съюзившагося кружка разговоръ, чтобы вспыхнуло раздраженіе. Выходили стычки и выраженія ненависти за кофе, скатеръ, пролетку, за ходъ въ вѣштѣ, все дѣла, которыя ни для того, ни для другого не могли имѣть никакой важности. Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, не-

ненависть къ ней часто кишѣла страшная! Я смотрѣлъ иногда, какъ она наливала чай, махала ногой или подносила ложку ко рту, шляпаса, втягивала въ себя жидкость—и не навидѣлъ ее именно за это, какъ за самый дурной поступокъ... Жить такъ было ужасно, если бы мы понимали свое положеніе; но мы не понимали и не видали его. Она старалась забыться напряженными, всегда поснѣвшими занятіями: хозяйствомъ, обстановкой, нарядами своими и дѣтей, ученіемъ, здоровьемъ дѣтей. У меня же было свое пьянство: пьянство, служба, карты, охота. Мы оба были постоянно заняты. Мы оба чувствовали, что чѣмъ больше мы заняты, тѣмъ злѣе мы можемъ быть другъ къ другу. „Тебѣ хорошо гримасничать“, думалъ я на нее, „а ты вотъ промучила меня сценами всю ночь, а у меня засѣдашь“.—„И тебѣ хорошо“ не только думала, но и говорила она, „а я всю ночь не спала съ ребенкомъ“. Мы были два, ненавидящихъ другъ друга колодника, связанныхъ одною цѣлью, отравляющіе жизнь другъ друга, и старающіеся не видать этого. Я еще не зналъ тогда, что 0,99 супружествъ живутъ въ такомъ же аду, какъ и я жилъ, и что это не можетъ быть иначе. Тогда я еще не зналъ этого ни про себя, ни про другихъ.

Ссоры между нами становились послѣднее время чѣмъ то страшнымъ, и были особенно поразительны. Все произошло оттого, что между нами была та страшная пучина, то страшное напряженіе взаимной ненависти другъ къ другу, при которой перваго повода было достаточно для произведенія кризиса. Вотъ страшная развязка этой семейной драмы. Возвратившись однажды неожиданно домой, онъ засталъ свою жену за роялемъ съ музыкантомъ; они играли сонату. Ревность и злоба омрачила разсудокъ бѣднаго мужа. „Я бросился къ ней, рассказываетъ несчастный супругъ, все еще скрывая кинжалъ, чтобы онъ не помѣшалъ мнѣ ударить ее въ бокъ подъ грудью. (Я выбралъ это мѣсто съ самаго начала). Въ эту минуту, какъ я бросился къ ней, онъ увидалъ, и чего я никакъ не ожидалъ отъ него, онъ схватилъ меня за руку и крикнулъ: „Опомнитесь, что вы?! Люди!“ Я вырвалъ руку, молча бросился къ нему. Его глаза встрѣтились съ моими. Онъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, до губъ, глаза его сверкнули какъ то особенно и, чего я то же никакъ не ожидалъ, онъ шмыгнулъ подъ

фортепяно въ дверь. Я бросился было за нимъ, но на лѣвой рукѣ моей повисла тяжесть. Эта была она. Я рванулся. Она еще тяжелѣе повисла и не выпускала. Я размахнулся изъ всѣхъ силъ лѣвой рукой и локтемъ попалъ ей въ самое лицо. Она вскрикнула и выпустила мою руку. Она упала на кушеткѣ и, схватившись за расшибленные мною глаза, смотрѣла на меня. Въ лицѣ ея былъ страхъ и ненависть ко мнѣ, къ врагу, какъ у крысы, когда поднимають мышеловку, въ которую она попала. Я по крайней мѣрѣ, ничего не видѣлъ въ ней кромѣ страха и ненависти ко мнѣ. Но я еще, можетъ быть, удержался бы и не сдѣлалъ бы того, что я сдѣлалъ, если бы она молчала. Но она начала вдругъ говорить и хватать меня рукой за руку съ кинжаломъ. „Опомнись! что ты! что съ тобой? Ничего нѣтъ, ничего, ничего. Клянусь!“ Я бы еще помедлилъ, но эти послѣднія слова ея, по которымъ я заключилъ обратное, вызвали отвѣтъ. „Не лги, мерзавка“, завопилъ я и лѣвой рукой схватилъ ее за руку, но она вырывалась. Тогда я, все-таки не выпуская кинжала, схватилъ ее лѣвой рукой за горло, опрокинулъ павзничъ и сталъ душить. Какая жесткая шея была. Она схватилась обѣими руками за мои руки, отдирая ихъ отъ горла и я какъ будто этого-то и ждалъ, изъ всѣхъ силъ ударилъ ее кинжаломъ въ лѣвый бокъ ниже реберъ....“

Вотъ и выводъ изъ этой печальной исторіи. Мужъ, совершившій убійство своей жены говоритъ: „я настаиваю на томъ, что всѣ мужья, живущіе такъ, какъ я жилъ, должны или распутничать, или разойтись, или убить самихъ себя или своихъ женъ, какъ я это сдѣлалъ. Если съ кѣмъ этого не случилось, то это особенно рѣдкое исключеніе. Я вѣдь прежде, чѣмъ кончить, какъ я кончилъ, былъ нѣсколько разъ на краю самоубійства, а она тоже отравлялась“ ¹⁾.

У того же автора въ романѣ „Анна Каренина“ мы встречаемъ еще едва ли не болѣе блестящее раскрытіе этой идеи. Здѣсь нѣтъ такихъ грубыхъ, рѣзкихъ, потрясающихъ сценъ, какъ мы видимъ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Въ этомъ романѣ все выписано колоритно, мягко, симпатично, нѣжными, ласкающими тонами. Каренина не хочетъ жить съ

¹⁾ Л. Толстой. Крейцера соната. Стрр. 38—39, 40, 55—56, 57, 63—64.

мужемъ-чиновникомъ, человѣкомъ педалекимъ по уму, сомнительной честности, узкимъ, методичнымъ, сухимъ, какъ бы незнающимъ никакой ласки и сердечности. Красивая, умная, пылкая, пѣяная женщина не находила соответствующаго отклика въ его душѣ. Измученная и истомленная своимъ одиночествомъ, она наконецъ оставляетъ мужа, свой домъ, своихъ дорогихъ дѣтей, которыхъ горячо любила, и отдается Вронскому. Какой это былъ чудный человѣкъ и какъ онъ подходилъ къ ней. Красивый, молодой, талантливый, честный, сердечный, готовый всего себя отдать любимой женщинѣ, быть ея лучшимъ и вѣчнымъ другомъ. Казалось, трудно было еще найти людей, которые бы такъ подходили одинъ къ другому, которые бы такъ гармонически сочетались одинъ съ другимъ, которые бы такъ блестяще дополняли другъ друга. Любовь, соединившая ихъ, казалось, должна была наполнить всю ихъ жизнь восторгомъ, непрерывнымъ блаженствомъ, глубокимъ смысломъ и содержаниемъ. Отъ нихъ, казалось, будутъ далеки не только горе и страданія, но и даже самые легкіе, незначительные призраки ихъ. И дѣйствительно, первое время ихъ совместной жизни по тому обоюдному счастью, какое они испытывали, напоминаетъ скорѣе какой-либо золотой сонъ, чѣмъ дѣйствительность, часто такъ неприглядную. Припомните особенно ихъ пребываніе въ Италіи. Здѣсь и мѣръ, и внѣшняя обстановка гармонировала съ ихъ настроеніемъ. Но вотъ мало по малу среди этой чудной обстановки надъ счастливой четой стали проноситься небольшія облачка, стали какъ то невольно и притомъ совершенно неожиданно проноситься предъ ихъ сознаніемъ воспоминанія о Россіи, о томъ, что тамъ ими оставлено... Сначала эти мысли мимолетно возникали и быстро куда то уносились, какъ уносится по небу легкое облачко или скрывается изъ глазъ парусъ въ морѣ. Это была какъ бы какая капризная игра съ ними воспоминаній. Но потомъ тревожныя думы о брошенныхъ дѣтяхъ, оставленномъ мужѣ стали все чаще и чаще повторяться. Потеряла всю прелесть и обстановка, которая еще такъ недавно наполняла ихъ души такими восторгами. Вскорѣ мы видимъ молодую чету, уже перебирающуюся въ другое чудное мѣсто Западной Европы. Новизна обстановки на время увлекаетъ и успокоиваетъ ихъ. Опять начинается беззаботная,

счастливая, полная радостей жизнь. Забыто все, но на непродолжительное время. Скоро прежніе призраки начинаютъ выплывать откуда то снова и наполнять душу невеселыми думами. И эта обстановка скоро до того наскучиваетъ имъ, что они рѣшаются перебраться въ другое мѣсто. Въ простотѣ сердца они думаютъ, что ихъ неудачи есть не что иное, какъ тоска по родицѣ. Поэтому молодая чета собирается вернуться въ Россію. Составляютъ чудный планъ. Они хотятъ поселиться въ деревнѣ, чтобы отдать себя на служеніе русскому народу. Пріѣхали, поселились въ деревнѣ. Оба трудились и старались быть полезными другимъ въ томъ или другомъ отношеніи. Ихъ жизнь потекла мирно и покойно. Опять забыто все прошлое, какъ будто бы никогда съ ними и ничего особеннаго не случилось. Но вотъ прежніе призраки снова начинаютъ проходить предъ ними. Начинается снова какая то постоянная внутренняя тревога, недающая человѣку нигдѣ покоя. Наконецъ она становится настолько невыносимой, что Аппа Каренина бросается подъ поѣздъ. Такъ несчастно кончается и эта связь, гдѣ страсти такъ замѣчательно гармонировали съ общимъ укладомъ жизни столь хорошихъ, повидимому, людей.

Пракрасный эпиграфъ писатель выбралъ для этого своего сочиненія: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. Эпиграфъ заимствованъ изъ Св. Писанія и имѣетъ весьма глубокий смыслъ. Въ душу каждаго человѣка глубоко заложены вѣковѣчные законы Божественной правды. Ни одинъ человѣкъ не можетъ безнаказанно нарушать ихъ. Какъ бы мы не скрывали свой грѣхъ отъ себя и отъ людей, какими бы чарами не окружали его, сама природа, натура наша возстанетъ на насъ, обличить и накажетъ насъ. Законы духа, заложенные въ душу человѣка, стремятся отстранить отъ человѣка все, что несвойственно ему, что такъ или иначе нарушаетъ гармонию его жизни, которая должна быть Богоподобной. Какъ организмъ самъ собою, помимо нашего участія и иногда даже вопреки нашимъ стараніямъ, устраняетъ изъ себя все, ненужное и вредное для него, такъ и духовная природа человѣка сама устраняетъ все, ей несродное и чуждое. Человѣка въ данномъ случаѣ можно сравнить съ наковальной, которой свойственно не только принимать удары, но и отражать ихъ. Отражая эти удары, природа или преодоле-

васть ихъ, давая человѣку силы возродиться, или уступаетъ темнымъ силамъ, и человѣкъ доходить еще до большаго паденія. Въ разсматриваемомъ романѣ мы видимъ, что героиня его Анна Каренина умираетъ подъ поѣздомъ.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, какими невыразимыми страданіями наполнялась душа людей, усердно служившихъ страстямъ, и по свидѣтельству Зола въ его извѣстномъ романѣ *Fecundite*. Бѣдная женщина, жившая многіе годы весело и безопасно, на закатѣ дней своихъ готова все отдать, чтобы имѣть дорогихъ дѣтей. Но увы, для нея это теперь стало уже невозможнымъ, потому что она сама убила въ себѣ драгоценный даръ дѣторожденія, вложенный въ ея природу. Бѣдный мужъ на склонѣ дней своихъ, понявшій безцѣльность своего существованія, горячо оплакиваетъ свою прежнюю разгульную жизнь. Много бы онъ далъ теперь, чтобы имѣть дѣтей, но увы, и для него прошло это время золотое. Растративши свои силы непронизвительно, онъ долженъ печально доживать дни свои, зная, что послѣ него никого не останется, кто бы продолжилъ его родъ и помянулъ бы его добрымъ словомъ. Онъ сойдетъ въ могилу забытый всѣми.

Гдѣ же „звѣдущее“ страстей?!

VIII.

Съ великою грустью и болью въ душѣ я читалъ строки о „страсти“, какъ основѣ семьи. Несомнѣнно намѣренія у автора добрыя—защитить, поддержать падающую и разлагающуюся семью. Но авторъ не подозреваетъ, какую недобрую услугу оказываетъ семьѣ, защищая ее такими доводами. Онъ не догадывается, что рубить подъ собой послѣдній сукъ, послѣ чего несомнѣнно послѣдуетъ паденіе, отнимаетъ у семьи то послѣднее, доброе и святое, чѣмъ еще она держится въ настоящее время. Онъ средь „бѣла дня“ сознательно грабитъ семью, безжалостно разрушаетъ ее, разбираетъ это сложное зданіе до послѣдняго камня. Не замѣчаетъ онъ, какъ своею подобною проповѣдью о бракѣ широко открываетъ двери тому ужасному произволу, о которомъ такъ краснорѣчиво самъ писалъ. Нѣтъ, не достигнуть семейнаго счастья, полагая „страсть“ въ основу семьи, и не сохранить брачнаго союза, освященнаго церковію, до гробо-

вой доски. Положить это начало въ основу семьи—значить погубить семью. Если хотять залить землю еще большею грязью, бѣльшими, стенами, бѣльшими кровавыми стенами, то пусть сдѣлають это. Но проклятiя изрекутъ тому человеку всякiя благородныя уста. Такое общество обречено смерти. Оно бросило вызовъ вѣчной силѣ и истлѣетъ въ прахъ, не смотря на свои богатства, арміи, выставки, дворцы! ¹⁾ Истинный, здравый идеаль брака лежитъ далеко отъ той точки зрѣнiя, какая выдвигается защитниками „страстей и пороха“. „Страсти и порохъ“ не требуются даже и для продолженiя рода,—этой единственной цѣли, какую поставляютъ для брака проповѣдники ихъ. Замѣчательно въ этомъ случаѣ разсуждаетъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, г. Меньшиковъ. „Половая страсть, — пишетъ онъ, скорѣе омрачаетъ, нежели освящаетъ этотъ актъ (рожденiя): именно она влечетъ къ излишествамъ и извращенiямъ и, становясь изъ средства цѣлью, заслоняетъ высокую цѣль брака. Влюбленные всего менѣе думаютъ о дѣтяхъ и, слишкомъ заняты другъ другомъ, даже забываютъ иногда о нихъ, какъ Анна Каренина, увлеченная Вронскимъ. Постоянно слышишь—такая то пожилая дама бросила дѣтей и мужа и убѣжала къ любовнику. Такіе то влюбленные, родивъ дитя, отдали его на воспитанiе. Такой то любовникъ отказался отъ плода своей любви. Такая то любовница не хочетъ имѣть дѣтей и пр. и пр. Ясно, что половая страсть не только не обезпечиваетъ судьбы рода, но разстраиваетъ его судьбу, иногда губить ее. Дѣти всего счастливѣе въ той семьѣ, гдѣ отецъ и мать любятъ другъ друга чистою, дружескою любовью, но не влюблены одинъ въ другого. Половая влюбленность—по природѣ своей—исключаетъ другія привязанности, тогда какъ чистой любви всегда хватаетъ на всѣхъ, достанетъ ее у матери и на мужа, и на дѣтей. Если родители не влюблены—дѣти свободны отъ пошлыхъ сценъ ревности, отчаянiя, дикаго восторга, бѣшенаго раздраженiя и прочихъ аксессуаровъ плотской страсти. Дѣти съ колыбели созерцають родителей спокойныхъ, ровныхъ, нѣжныхъ, дружныхъ, любящихъ безъ безумiя, поддерживающихъ другъ друга съ неизмѣнной вѣрностью и преданностью. Созерца-

¹⁾ См. Зола. *Fecundité*.

ніе такихъ отношеній воспитываетъ ребенка, населяетъ память примѣрами благородными,—тогда какъ быть свидѣтелями жизни влюбленныхъ родителей—вещь не только тягостная, но и развращающая,

Кромѣ фізіологическаго сотрудничества, оба пола обречены служить другъ другу и психически. Мужчина и женщина—два крайніе предѣла, между которыми колеблется человѣческій типъ. Какъ маятникъ, уклонившійся въ сторону, неудержимо влечется обратно, такъ человѣческій типъ въ *мужчинѣ* тяготеетъ къ женственному его выраженію; въ *женщинѣ*—къ мужскому. Мужчинѣ и женщинѣ необходимы не только тѣла другъ друга, но и *особенныя* души ихъ, и нравственное супружество есть соединеніе не только тѣлъ, но и душъ. Въ правственномъ бракѣ является непостижимое взаимодѣйствіе, обмѣнъ какихъ то важныхъ вліяній. Любящіе мужчина и женщина видятъ другъ въ другѣ какъ бы воплощеніе мечты своей о *человѣкѣ*, какъ бы осуществившійся идеалъ своей природы. Любовь невинная, я думаю, оттого такъ и плѣнительна, что она есть *видѣніе* волшебное: вы видите во-очію какъ бы духа жизни, выстушившаго изъ тьмы, своего гесія, обыкновенно невидимаго. Въ сумеркахъ иной разъ пятно на стѣнѣ вдругъ покажется человѣческимъ лицомъ, яркимъ, почти живымъ, а подойдете ближе и вы увидите простое пятно—такъ точно и влюбленный видитъ въ любимомъ не то, что онъ есть, а то, что создаетъ его воображеніе по нѣсколькимъ штрихамъ. Иллюзія и здѣсь расфѣивается отъ приближенія, но она тѣмъ долѣе держится, чѣмъ болѣе любимый человѣкъ дѣйствительно приближается къ вызванной имъ иллюзіи. Вызывать эту иллюзію, напоминать собою нѣчто божественное, неизреченное, когда то видѣнное въ иныхъ мірахъ—задача духовнаго сотрудничества обоихъ половъ. Задача важная, столь же органическая, какъ и тѣлесное общеніе. Для людей же высокаго духа она единственно нужная. Посмотрите на супруговъ, живущихъ „душа въ душу“. Дѣйствительно, вѣдь ихъ души переплелись своими свойствами, срослись вмѣстѣ. Жена не спрашиваетъ своего мужа и уже знаетъ, что онъ думаетъ, даже не видя его лица, по какимъ то неувидимымъ признакамъ. Мужъ отлично чувствуетъ, чѣмъ волнуется жена. Начинаятъ говорить и постоянно сталкива-

ются на одной и той же мысли, на томъ же выраженіи. Одному что-нибудь захочется, и другой хочетъ. Отъ долгаго сожительства такіе супруги дѣлаются нравственно какъ бы близнецами, изъ которыхъ одинъ совершенно такъ же отвѣчаетъ на всѣ впечатлѣнія, какъ и другой. Устанавливается какъ бы общая душа—единство, до котораго никогда не достигаетъ животная, плотская „любовь“. Какъ бы не стремились люди къ сліянію тѣлъ, все же выйдетъ только прикосновеніе ихъ,—а души соединяются дѣйствительно въ нѣчто одно, почти нераздѣлимое. Вопреки древшимъ, я думаю, что дружба не исключаетъ брака. И мнѣ, кажется, даже при отсутствіи половой связи, возможно супружество: оно пужно, какъ нѣкій симбіозъ, ничѣмъ пезамѣнимое органическое сожительство душъ.

Бракъ есть тогда лишь нравственный союзъ, когда каждый видитъ въ своей человѣческой половинѣ нѣчто нравственно ему недостающее, нѣчто для себя идеальное. Только тогда, при совмѣстной жизни, супруги, какъ бы приростая корнями своего сердца другъ къ другу, питаются изъ ихъ пужными для ихъ роста вліяніями. Вотъ это *нравственное сотрудничество*—первая изъ основныхъ цѣлей брака.“

Развивая мысль о „нравственномъ сотрудничествѣ“ супруговъ, авторъ далѣе утверждаетъ, что „идеаль отношеній мужчины и женщины—любовь братская. Когда Христа спросили, чьей женой будетъ въ Царствіи Небесномъ та, которая здѣсь по очереди была женой нѣсколькихъ братьевъ, Учитель отвѣчалъ, что въ Царствіи Божіемъ не женятся, не выходятъ за мужъ, а живутъ, какъ ангелы. Если Царствіе Божіе есть тотъ укладъ жизни, къ которому нравственные люди должны стремиться, то ясно, что здѣсь, на землѣ, сегодня, сейчасъ мы должны осуществлять указанную чистоту отношеній, не откладывая въ будущее, котораго мы никогда не достигнемъ, если не будемъ достигать возможнаго совершенства *теперь*. Братъ и сестра—подсмѣиваются надъ этимъ нечистые люди — самый ясный, невинный, прелестный союзъ, какой возможенъ между людьми разнаго пола. Изъ этого идеала нельзя уступить ни юты. Хоть на мгновеніе допустить „немножко старости“, будетъ измѣной Богу. Добровольно, сознательно понизить идеаль—это именно та хула на Духа Святаго, грѣхъ которой не простится. Въ идеаль

полное, безусловное цѣломудріе—и это до такой степени утверждено тысячелѣтіями нравственнаго развитія людей, что странно оспаривать основную истину. Но жизнь, вы скажете, отступаетъ отъ идеала, не всякій и не всегда можетъ „вмѣстить“. Пусть не вмѣщаетъ, но всякій обязанъ помнить, что это невмѣщеніе—грѣхъ (?), что оно—слабость, что *истинное*—выше жизни. И нравственное супружество должно быть взаимной помощью въ достиженіи этой высоты, въ возможномъ ограниченіи иныхъ хотѣній, кромѣ Божественныхъ. Пусть, по слабости (?), будутъ супруги, но пусть они стремятся быть братомъ и сестрой, и это стремленіе вдвоемъ—одно изъ самыхъ прекрасныхъ усилій въ нравственномъ подвигѣ жизни“¹⁾....

Кто знакомъ съ исторіей христіанства, тотъ знаетъ, что этотъ идеаль „братства“ въ супружескихъ отношеніяхъ не мечта, не безплодная утопія, что онъ осуществленъ въ дѣйствительности въ цѣломъ рядѣ возвышенныхъ образцовъ. И только въ немъ, возможномъ подражаніи этимъ образцамъ, заключается единственно правильное, истинно христіанское рѣшеніе брачнаго вопроса, столь мучающаго современное общество²⁾. Тогда только семейная жизнь освободилась бы отъ тѣхъ ужасныхъ недуговъ, какими она отличается теперь: не было бы разводовъ, не было бы семейныхъ ужасныхъ драмъ, не было измѣнъ, не было сценъ безумной ревности, не было бы незаконныхъ дѣтей, не было бы худо воспитанныхъ дѣтей. Началась бы тогда ровная, спокойная, мирная, честная, трудовая, сердечная, святая, христіанская жизнь, и рождались бы тогда въ такой семьѣ здоровые дѣти, будущіе великіе слуги челоуѣчества и носители вѣковѣчныхъ началъ жизни.

Л. И.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) М. О. Меньшиковъ. Цит. соч. Стр. 176. 171—175. и др.

2) Л. Толстой. Крейцер. соната, Воскресеніе и др.